

что рассматриваемое мною сочинение было уже удостоено еще в рукописномъ видѣ почетнаго отзыва отъ Св. Синода (Церк. Вѣд. 1900 г. № 19).

Съ великаго, безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ исторіи Голгоцкаго дня необозримые сонмы богослововъ, писателей, художниковъ, поэтовъ посвящали иногда всю свою жизнь изученію земнаго подвига Христа Спасителя. Но никому изъ нихъ не удалось въ своемъ трудѣ исчерпать этотъ подвигъ всецѣло, такъ чтобы не оставить ничего необъясненнаго, загадочнаго, спорнаго и темнаго. Скажу даже болѣе. Для изученія земнаго подвига Христа Спасителя недостаточны и коллективныя усилія всего человѣчества, людей всѣхъ временъ. Поэтому меня лично нисколько не удивляетъ то обстоятельство, что и въ трудѣ г. Тарѣева, посвященномъ изученію евангельской исторіи, встрѣчаются пробѣлы и мѣста, подлежащія дальнѣйшей обработкѣ и разъясненію. Но и тѣмъ, что мы находимъ въ сочиненіи г. Тарѣева, оно можетъ оказать немалую услугу современному обществу, которое въ поискахъ Лица Христова часто забирается въ такія дебри вольномыслія и недомыслія, о какихъ иногда съ грустью приходится даже умалчивать. Мнѣ думается, что сочиненіе г. Тарѣева многимъ поможетъ выбраться изъ области многихъ сложныхъ, запутанныхъ вопросовъ, понять хотя только отчасти свои недоумѣнія относительно лица Христа, Его смерти, воскресенія и т. д. И это уже очень много. Отмѣчаю эту особенность книги съ особенной настойчивостью еще потому, что большинство ученыхъ диссертаций читается только одними специалистами и имъ однимъ только приносить пользу. Не говорю уже о томъ, что безусловно новая постановка разработки евангельской исторіи дастъ толчокъ многимъ ученымъ попытаться стать на этотъ новый путь и попытаться сказать что-нибудь новое изъ той бездны и глубины духовныхъ сокровищъ, которыя сокрыты въ евангельской исторіи.

Г. Тарѣева за его трудъ признаю заслуживающимъ исковой имъ степени доктора богословія“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта Митрофана Муретова:

„Первая и необходимая задача отзывомъ о трудахъ на

соисканіе высшей ученой степени должна конечно состоять въ опредѣленіи *научнаго значенія* такихъ трудовъ. Можно испечатать множество листовъ и даже томовъ, съ самыми точными цитатами, безъ ошибокъ и корректурныхъ недосмотровъ.....и предъявить наукѣ нуль, безъ опредѣляющей его научную значимость единицы. Работа можетъ быть маленькая по объему, пусть даже исполненная не вполне рьяливо, спѣшно, съ недосмотрами...и все-таки представлять научную единицу, допускающую возможность приставленія къ ней другихъ числовыхъ знаковъ.

Научное значеніе трудовъ по Новому Завету можетъ состоять: *а.* или въ новомъ вопросѣ, оригинальной постановкѣ, своеобразномъ освѣщеніи предмета,—*б.* или въ сводѣ и систематизаціи уже добытыхъ результатовъ по данному вопросу, восполненіи ихъ новыми частностями, поправкахъ и улучшеніяхъ. Труды первого рода имѣютъ въ наукѣ *существенное значеніе*, но только при условіи ихъ *плодотворности*, т.-е. когда они не суть мертворожденія учено-схоластическаго остроумія, а дѣйствительно, хотя бы даже при крупныхъ недостаткахъ своихъ, содержатъ новую мысль, могущую быть зародышемъ дальнѣйшей разработки предмета въ этомъ направленіи и зерномъ новаго научнаго творчества. Труды второго рода хотя и имѣютъ въ наукѣ весьма-весьма досто-почтенное, но все же *второстепенное мѣсто*, въ качествѣ пособій для трудовъ первого рода, однакожь при непремѣнномъ условіи ихъ *полноты и точности*, пресѣкая возможность повторенія уже осужденныхъ въ наукѣ произведеній.

Съ такими требованіями обращаясь къ двумъ, представленнымъ проф. Тарѣевымъ на степень доктора богословія, книгамъ, я нахожу ихъ, несмотря на отвлеченно-идейное ихъ единство, на столько различными по своему характеру, что сужденіе о нихъ не могу дать въ одномъ общемъ отзывѣ, но долженъ составить двѣ отдѣльные рецензіи.

Книга первая „Уничженіе Господа нашего Иисуса Христа“ имѣетъ характеръ трудовъ второго рода. Она представляетъ обычный экзегезъ извѣстнаго догматическаго мѣста Филлп. 2, 5—11 (первая глава) и патристическое (вторая глава) и новѣйшія (третья глава) ученія о самоуничженіи или кеносѣ Христа.

Первая, экзегетическая глава имѣетъ три общіе недостатка.

Первый. Мѣсто, состоящее всего только изъ семи стиховъ, авторъ беретъ въ текстъ восьмого большаго Тишендорфова изданія, безъ specialнаго, всесторонняго и самостоятельнаго изслѣдованія. Не хочу утверждать, что такое изслѣдованіе могло бы въ чемъ-либо существенно измѣнить экзегетическіе выводы и соображенія автора. Но это отнюдь не избавляло его отъ *обязанности* такого изслѣдованія, дабы исключить у читателя всякую возможность подозрѣнія въ томъ, что авторъ беретъ текстъ просто на вѣру и притомъ уже у значительно постарѣлаго авторитета, самъ будучи не въ силахъ разобраться въ трудной и сложной работѣ текстуальной критики и предоставляя этотъ трудъ читателямъ, если они пожелають удостовѣриться въ авторитетности принятаго Тишендорфомъ чтенія. Такъ, не безъ значенія думаемъ, могли бы быть specialныя изслѣдованія чтеній: ст. 5. *γαρ φρονεῖτε и φρονεῖσθε, υμῶν и ἡμῶν*, ст. 6. *τὸ* предъ *ἀρραγισίαν*, ст. 7. *ἀνθρώπων* и *ἀνθρώπων*, ст. 8. *μέχοι, ἔχοι*, даже *ἕως*, ст. 9. *τὸ* предъ *ἰνομία*, ст. 11. *Κύριος Ἰησοῦς Χριστός* и *Κύριός τῆς δόξης Ἰησοῦς Χριστός σωτήρ*.

Второй. Нѣтъ подобнаго же всесторонняго, specialнаго и самостоятельнаго изслѣдованія толкуемаго текста и со стороны филологической, даже относительно такихъ важныхъ терминовъ, какъ *μορφή, σχῆμα, δοῦλος* и др. И здѣсь авторъ полагается на авторитетъ 6-го изданія теологическаго словаря къ Новому Завѣту Кремера, не говоря уже о самостоятельныхъ изысканіяхъ, дополненіяхъ и поправкахъ къ нему, безъ всякой самостоятельной провѣрки словаря, даже безъ приведенія самыхъ словарныхъ датъ, что для русскихъ читателей могло бы имѣть значеніе. А между тѣмъ самостоятельно-научное изслѣдованіе и филологической стороны мѣста какъ-то невольнo ожидается отъ труда, посвященнаго такой specialности, какъ толкованіе семи стиховъ посланія апостольскаго.

Третій. Первое и существенное требованіе истинно-научнаго экзегеса особенно въ отдѣлахъ съ идейно-богословскимъ содержаніемъ—брать ихъ въ связи съ литературнымъ памятникомъ, ихъ въ себѣ содержащимъ (въ данномъ случаѣ со всѣмъ вѣроученіемъ посланія къ Филиппійцамъ), — даже

болѣе—со всѣми твореніями того же писателя (посланиями Ап. Павла), какъ и другими однородными произведеніями (весь Новый Завѣтъ, даже вся Библия) или же соприкосновенными (языческая, іудейская и первохристіанская литература). Экзегезь Апостольской идеи кеноса долженъ бы стоять на твердой почвѣ историческаго изученія соприкосновенныхъ идеѣ областей. Не скажу, чтобы это было легко. Но оно необходимо въ сочиненіи, претендующемъ на специальное изъясненіе семистижнаго отрывка, содержащаго въ себѣ изложеніе идеи самоуничженія Сына Божія. Въ этомъ отношеніи данное мѣсто раздѣляетъ судьбу другихъ подобныхъ же мѣстъ Новаго Завѣта, напр. Іоан. 1, 1—18 и под.

Къ этимъ общимъ недостаткамъ присоединяются частности:

а) Слишкомъ общія, требующія доказательствъ и голословно высказываемыя авторомъ утвержденія, чего не принято дѣлать въ строго-научныхъ работахъ. Таковы на стр. IV: „еретическія ученія первыхъ вѣковъ и вселенскихъ соборовъ не давали въ своей послѣдовательности мѣста кеносису,“—стр. V: „языческое представленіе о Божествѣ грозномъ, неумолимомъ, недоступномъ ни для прошеній, ни для славословій“.

б) Неясности въ аргументаціи: стр. 7: „несомнѣнно, что ап. Павелъ въ Филип. 2, 5 слѣд. не разумѣетъ только чело-вѣка Иисуса, потому что ни этотъ, ни другіе апостолы не знали Иисуса Христа только въ качествѣ чело-вѣка, а не вмѣстѣ Сына Божія“ (да, но въ разсужденіяхъ своихъ они могли отвлеченно раздѣлять эти стороны и о каждой говорить отдѣльно),—стр. 11—12: различіе между *τὸ εἶναι ἰσὰ θεῷ*, *τὸ ἰσὸν εἶναι θεῷ* и *ἐν μορφῇ θεοῦ ὑπαρῆσθαι*,—стр. 32: не выяснено, какимъ образомъ превознесеніе составляетъ существенный элементъ униженія,—стр. 33 34: неясно значеніе термина *ὑπερέφραβεν*, какъ и разсужденіе объ *ὅς* въ прим. 77-мъ на стр. 27-й.

в) Неестественныя сравненія: стр. 21—22: „если бы Онъ отнесся къ Своей небесной славѣ такъ, какъ хищникъ относится къ своей добычѣ“ (но эта слава всегда принадлежала Сыну Божію, по Самому Его Существованию),—стр. IV: „ускользая отъ грубаго разсудочнаго анализа, подобно какъ мысли и чувствованія ускользаютъ отъ анатомическаго ножа, какъ идея

художественной работы неуловима для оцѣнщика статуи по *вѣсу и стоимости матеріала*, эта идея (богоснисхождения) составляетъ однако самый существенный *смысль* боговоплощенія“ (но *смысль* предполагаетъ уже и возможность *разсудочнаго анализа*,—притомъ *идея* и *разсудокъ*—понятія однородныя, а *мысли, чувствованія, идея* художественной работы съ одной стороны и анатомическій *ножъ, вѣсъ и стоимость* матеріала статуи въ другой—понятія разнородныхъ сферъ.—какое же тутъ можетъ быть подобіе?).

г) Странности изложенія: стр. 2: „классическимъ мѣстомъ“ и въ скобахъ для чего-то поставлены латинскія слова: „*locus classicus*“, а на стр. 3-й наоборотъ, русскому „вообще“ противопоставлено латинское „*in specie*“,—здѣсь же: „Апостолъ *in specie* чертитъ главные моменты богочеловѣческой жизни... въ выраженіяхъ, поражающихъ экспрессивностью и изысканностью“.

д) Есть наконецъ неточность въ 45-мъ цитатѣ на 15-й страницѣ, гдѣ св. Амвросію Медиоланскому приписанъ комментарий на посланія Ап. Павла, обычно цитруемый подъ именемъ Амвросіаста.

Несмотря на указанные частные недостатки, глава въ общемъ представляетъ комментарий весьма обстоятельный, свидѣтельствующій объ обширномъ знакомствѣ автора какъ съ древне-отеческою, такъ и съ новѣйшею иностранною и русскою литературою по экзегесу даннаго мѣста, отличающійся полнотою и систематичностью въ раскрытіи содержащагося въ данномъ мѣстѣ апостольскаго ученія о кеносѣ Господа Христа, при необычайной сжатости изложенія, — являющійся серьезнымъ и полезнымъ вкладомъ въ русскую богословско-экзегетическую литературу, какъ прекрасное восполненіе и улучшеніе къ прежнимъ толкованіямъ даннаго мѣста.

Главы вторая и третья, излагающія патристическія и новѣйшія ученія о самоуничженіи Христа, принадлежать къ области не спеціально экзегетической, а догматическо-патристической. Какъ не специалистъ въ этихъ теологическихъ дисциплинахъ (при громадности и быстротѣ роста иностранныхъ литературъ быть специалистомъ по нѣсколькимъ разнородныхъ группъ теологическимъ дисциплинамъ въ настоящее время должно считаться, особенно въ Россіи, если не невозможностью, то во всякомъ случаѣ исключе-

нием), я не имѣю смѣлости на рѣшительное сужденіе о полнотѣ и самостоятельности изслѣдованія въ нихъ вопроса. Замѣчу только, что здѣсь раскрывается не *исторія* этого богословско-догматическаго понятія, т.-е. полный и постепенный ростъ ученія о кеносѣ въ его органическо-прагматическомъ развитіи, что должно составлять основную и необходимую задачу всякой исторіи,—но, вѣрнѣе сказать, дается только внѣшнее, послѣдовательно - хронологическое изложеніе извѣстныхъ автору древнихъ и новыхъ ученій о предметѣ, въ видѣ, такъ сказать, исторической справки или обширнаго примѣчанія къ комментарию апостольскаго текста. При этомъ бросается въ глаза и для меня остается непонятною несоразмѣрная краткость, общность и бѣглость изложенія новѣйшихъ ученій по сравненію съ древними. Указываю на эти двѣ особенности труда проф. Тарѣева не въ качествѣ укоризны, а какъ на личное только мое недоразумѣніе: прагматическую исторію даннаго предмета въ настоящее время быть можетъ и нельзя написать, равно какъ и сказать что-либо большее о новѣйшихъ ученіяхъ. Высказываю свои сужденія лишь условно, т.-е. если существуетъ наличность данныхъ для выполненія высказанныхъ требованій, ибо разъ авторъ беретъ для изслѣдованія совершенно специальный предметъ, онъ обязанъ и изслѣдованіе о немъ дать специальное. Во всякомъ случаѣ и въ своемъ настоящемъ видѣ обѣ главы даютъ большой матеріалъ, отличаются точностью цитации по первоисточникамъ и имѣютъ строго-православное направленіе, при научно-критическомъ методѣ изслѣдованія. Поэтому, не ручаясь за иностранную науку, для русской богословской литературы по данному предмету эти главы являются такимъ же, если даже еще не болѣе цѣннымъ, вкладомъ, какъ и глава экзегетическая.

Вторая книга „Философія евангельской исторіи“ представляетъ какъ бы вторую *богословско-историческую* часть къ первой книгѣ, какъ части *богословско-догматической*. Тамъ уясняется данное Апостоломъ догматико-богословское опредѣленіе смысла земной жизни Господа, здѣсь этотъ смыслъ раскрывается въ самой жизни Христа, какъ она излагается въ каноническомъ четвероевангеліи.

Но кромѣ этого отвлеченно-логическаго и обще-идейнаго единства, во всемъ остальномъ—содержаніи, характерѣ, ме-

тодѣ изслѣдованія и пр.—объ книги представляютъ полное несходство, если даже не противоположность.

Уже самое заглавіе книги даетъ видѣть, что авторъ не намѣренъ вдаваться въ научное изслѣдованіе исторической, археологической, филологической и критико-текстуальной сторонъ евангельскихъ повѣствованій, но желаетъ уяснить „философію евангельской исторіи“ или, выражаясь менѣе вычурно, нравственно-религіозный смыслъ жизни Господа, какъ проявленія славы Единороднаго Сына Божія въ уничиженіи человѣческаго бытія,—выраженный въ составляющихъ предметъ первой книги словахъ Апостола въ Филипп. 2, 5—11.

Задача, конечно, отнюдь не новая. Напротивъ, начертанный Исаею образъ непорочнаго Агнца, вземлющаго грѣхъ міра и безропотно закалаемаго за беззаконія людей, — и Отрока кроткаго, не возвышающаго гласа Своего, трости надломленной не сокрушающаго и льна курящагося не угасающаго,—составляетъ излюбленный и постоянный предметъ созерцаній во всей христіанской письменности, начиная съ апостоловъ и кончая самыми послѣдними временами. Въ многочисленномъ сонмѣ христіанскихъ писателей трудно найти такого, кто въ научныхъ или популярно-назидательныхъ сочиненіяхъ не искалъ бы осуществленія этого образа въ тѣхъ или иныхъ сторонахъ явленія Сына Божія во плоти.

Но въ рѣшеніи задачи авторомъ есть самостоятельная продуманность предмета, обнаруживающаяся въ слѣдующихъ частныхъ сторонахъ его труда:

1) Въ строгой систематичности, послѣдовательности и законченности проведенія идеи осуществленія или проявленія славы Божіей въ уничиженіи земной жизни Христа Господа, во всѣхъ ея событіяхъ и сторонахъ, даже чудесахъ, и въ величайшемъ изъ нихъ—воскресеніи изъ мертвыхъ.

2) Этими свойствами трудъ автора обладаетъ благодаря высотѣ и широтѣ его основной задачи—собрать лучи божественной славы воплотившагося Сына Божія не во внѣшней сторонѣ ея проявленій, но во внутреннемъ нравственно-религіозномъ, такъ сказать, идеалѣ, осуществившемся въ жизни, дѣлахъ и ученіи Господа Христа. Этотъ нравственно-

религіозный идеаль, постоянно предносясь сознанію автора и повсюду руководя его разумомъ и словомъ, вручаетъ ему тайну евангельской исторіи въ глубоко-плодотворной и талантливо изложенной концепціи ея подъ лучомъ идеи славы Божіей въ уничиженіи человѣческаго бытія Сына Божія.

3) Вообще въ своемъ сочиненіи авторъ обнаруживаетъ тонкость и проницательность нравственно-религіознаго анализа, высоту богословскаго созерцанія, глубину христіанскаго вѣросознанія и чувства и широту философскаго синтеза.

4) Въ частности достопримѣчательны: толкованіе терминовъ „Сынъ Божій“ и „Сынъ Человѣскій“ (стр. 53—54), „святой“ и „нравственный“ (стр. 56, прим. 3), выясненіе значенія крещенія (§ 15) и искушенія Господа (4-я глава). объясненіе обращенія Богоматери ко Христу на бракѣ въ Канѣ (§ 24), вопросъ іудеевъ ко Христу во время перваго посѣщенія Имъ Іерусалима (Іоан. 2, 18 въ § 25), нѣкоторыя разсужденія въ §§ 28—29, особенно на стр. 108: слова Господа къ исцѣленному разслабленному,—стр. 110: о значеніи вѣры для внутренняго существа человѣка и 118: толкованія Матѣ. 12, 43 сл.,—объясненіе низверженія стада свиней въ море (§ 34 стр. 132—133), Іоан. 8, 25 (стр. 142), Матѣ. 21, 14 (стр. 176, прим. 1), повѣствованія о засохшей смоковницѣ (стр. 184 сл.), сопоставленіе прощальной у Іоанна и эсхатологической у синоптиковъ бесѣды Господа (стр. 191—192), объ Іудѣ Предателѣ (стр. 199 сл.), о нравственномъ значеніи смерти Господа для его послѣдователей (стр. 214 сл.).

5) Языкъ этого какъ и перваго сочиненія большею частію точный, сосредоточенно-краткій,—авторъ обладаетъ завидною способностью — говорить много въ малѣ, вслѣдствіе чего объемъ его книгъ сокращенъ по крайней мѣрѣ вдвое.

Изъ недостатковъ сочиненія считаю нужнымъ указать слѣдующіе:

а) Изученіе литературы предмета, какъ древней, такъ и новой, имѣетъ характеръ отрывочный и случайный. Не ясно, почему авторъ касается тѣхъ или иныхъ мнѣній однихъ писателей, не трогая другихъ мнѣній тѣхъ же самыхъ или иныхъ писателей. Не видно, чтобы авторъ дѣлалъ это на основаніи долговѣтнаго и спеціальнаго изученія громадныхъ:

шей литературы предмета, а не потому просто, что при написаніи своей книги имѣлъ подѣ руками именно только тотъ скудный запасъ литературы, какой цитруется имѣ.

б) При такой скудости литературнаго фонда тѣмъ большее удивленіе возбуждаютъ рѣшительность и строгость сужденій автора объ обычныхъ типахъ современныхъ научныхъ работъ по евангельской исторіи—филологическихъ, археологическихъ и повѣствовательно-прагматическихъ. Недоумѣніе увеличивается тѣмъ, что эти, голословно и поверхностно, хотя смѣло и авторитетно, высказываемыя сужденія рѣшительно ничѣмъ не вызывались у автора. Вѣдь поставленная имѣ задача своего труда совсѣмъ не исключаетъ всѣхъ другихъ научныхъ работъ по евангельской исторіи, ни сама отнюдь не исключается этими другими задачами научныхъ работъ. Авторъ какъ будто забываетъ, что каждый народъ и каждая эпоха говорятъ своими языками, имѣютъ свои методы и руководятся своими предрасположеніями, къ коимъ должно примѣняться раскрытіе истинъ христіанства какъ историческихъ, такъ и созерцательныхъ. Со всею непрерываемотію доказываетъ это самъ же авторъ, кое-гдѣ, поверхностно и случайно, но все же обращающійся къ научнымъ даннымъ археологіи, исторіи и филологіи: стр. 70—71 прим.,—стр. 74 (объ іудейскомъ народѣ), 79 (о религиозныхъ чаяніяхъ іудеевъ), 135 прим., § 42 нач., стр. 211—212, 219, 223 и др.

в) Слѣдуетъ затѣмъ отмѣтить отношеніе автора къ первоисточнику евангельской исторіи. Въ настоящее время ни одинъ ученый, какого бы направленія онъ ни былъ, не имѣетъ возможности разсуждать о евангельской исторіи, съ возможною точностью не установивъ напередъ научно-критическимъ путемъ своего отношенія къ ея источнику, особенно по вопросу о происхожденіи и взаимоотношеніи синоптическихъ евангелій, о происхожденіи евангелія Іоаннова и его отношеніи къ синоптикамъ, объ индивидуальныхъ особенностяхъ каждаго евангелія, о евангеліи Ап. Павла, другихъ апостоловъ, первохристіанскихъ писателей и пр. пр. Эти вопросы для автора не существуютъ, онъ беретъ четвероевангеліе догматически въ ихъ современномъ церковномъ видѣ и пользуется ими безъ научнаго обследованія разныхъ, возникающихъ при этомъ, вопросовъ. Для строго-православнаго русскаго богослова это конечно такъ и должно быть, но

только отнюдь не въ той области, къ какой относить авторъ свою книгу, употребляя въ заглавіи терминъ „исторія“ и въ предисловіи говоря: „настоящее изслѣдованіе относится къ области новозавѣтнаго библейскаго богословія, составляя (т.-е. настоящее изслѣдованіе автора? Не слишкомъ ли это большая претензія! Да и что означаетъ помѣтка „День Святаго Духа“?) его важнѣйшую, фундаментальную часть“. Исторія евангельская какъ и новозавѣтное богословіе строятся въ современной наукѣ на основаніи научнаго изслѣдованія источниковъ. Поэтому вмѣсто „исторія“ автору вѣрнѣе было сказать „четвероевангеліе“, а вмѣсто „новозавѣтное библейское богословіе“ лучше бы употребить: „система православно-нравственнаго богословія“. При семъ подъ „четвероевангеліемъ“ разумѣется теперешній православно-церковный текстъ каноническихъ евангелій, а подъ „системою православнаго нравственнаго богословія“—теологическая дисциплина, какъ и догматика, имѣющая своею задачею только сводъ, систематизацію и уясненіе того матеріала, какой дается этимъ дисциплинамъ современной православною Церковью, безъ научно-критическаго изслѣдованія, составляющаго задачу другихъ богословскихъ наукъ. Впрочемъ и здѣсь авторъ измѣняетъ себѣ: случайно и гдѣ желалось, онъ пускается въ критику и въ соображенія о подлинности, достовѣрности, характерѣ евангельскихъ повѣствованій, напр. о Марк. 16, 9 сл. (стр. 257 прим.), Іоан. 7, 53 — 8, 12 (стр. 141, прим. 1), о достовѣрности повѣствованій противъ отрицательной критики (стр. 14 — 15. 19. 37 ср. § 35), о характерѣ евангелій (приложеніе).

г) Таково же отношеніе автора и къ евангельской хронологіи. Ея запутанность въ современной наукѣ вовсе не уполномочиваетъ автора, при томъ въ этомъ предметѣ совѣсьмъ и не компетентнаго, отрицательно смотрѣть на ея будущность. Наука занимается добываніемъ выводовъ, а не предреченіями. Если евангельская хронологія не имѣла для задачи автора существеннаго значенія, то ему и не было никакой нужды съ такою рѣшительностью высказываться о мало ему извѣстномъ предметѣ. Однакожъ и здѣсь, въ противорѣчіе же себѣ, авторъ находитъ все-таки возможнымъ разсматривать чрезъ призму своей философіи евангельскую исторію въ послѣдовательно-хронологическомъ порядкѣ трехъ періодовъ.—

даже пускаться въ хронологическія соображенія (стр. 111 сл. прим. § 38 др.).

Все это, впрочемъ, надо признать не столько недостатками труда, сколько неосмотрительностью самого автора, ибо вышеуказанныя достоинства книги проф. Тарѣва совсѣмъ ничего не потерпѣли бы отъ совершеннаго отсутствія помѣченныхъ сужденій о предметахъ, лежащихъ за чертою основной задачи его труда.

Въ качествѣ недостатковъ книги проф. Тарѣва въ собственномъ смыслѣ могу указать:

Во-первыхъ. Проявленіе божественной славы въ самоуничженіи Христа Сына Божія авторъ раскрываетъ только по евангельскимъ повѣствованіямъ о жизни и дѣлахъ Господа, а между тѣмъ не меньшую, если не большую, половину четвероевангелія составляють бесѣды Господа и содержащееся въ нихъ ученіе, чтò затрагивается авторомъ лишь поверхностно и въ самыхъ общихъ чертахъ, съ обѣщаніемъ написать объ этомъ другую книгу, долженствующую составить какъ бы вторую часть труда. Но вопросъ: будутъ ли выводы этой второй книги соотвѣтствовать первой относительно нравственно-религіознаго идеала и пониманія авторомъ смысла жизни и дѣлъ Господа или „философіи евангельской исторіи“? Если нѣтъ, то и эта „философія“ во многомъ должна утратить свое значеніе и „настоящее изслѣдованіе“ уже не будетъ „составлять важнѣйшей, фундаментальной части новозавѣтнаго библейскаго богословія“. Такимъ образомъ мы должны пока вѣрить автору на слово въ томъ, что у него получится полное и строгое согласіе между жизнью и ученіемъ Христа въ отношеніи къ раскрываемому авторомъ нравственно-религіозному идеалу.

Во-вторыхъ. Имѣю основаніе думать, что такого полного и всесторонняго согласія не получится, ибо проводимая авторомъ въ разсматриваемомъ сочиненіи идея, что страданія, самоуничженіе и смерть для Христа Спасителя и для послѣдователей Его есть наивысшій нравственно-религіозный идеалъ и конечная самоцѣль, при чемъ прославленіе мыслится только какъ необходимый моментъ самоуничженія, — по моему мнѣнію одностороння, узка, не объемлетъ всего христіанскаго идеала. Христось, страждущій и умирающій какъ немощный „Сынъ Человѣческій“ не есть наивысшій

идеаль христіанина, какъ и страданія и смерть христіанина по образу страданій и смерти Спасителя не суть конечная самоцѣль его нравственно-религіозной жизни. Нѣтъ, это только средство къ достиженію идеала и путь къ самоцѣли. Такимъ наивысшимъ идеаломъ и такою конечною самоцѣлью въ христіанствѣ является „богочеловѣчество Спасителя“,— не Его самоуничженіе и смерть сами по себѣ и какъ таковыя, а побѣда надъ смертью, воскресеніе съ тѣломъ славы и вознесеніе одесную Бога. Какъ Самъ Спаситель, страдая и умирая, вѣдалъ, что Онъ побѣдитъ смерть, такъ и за страданіями и смертію христіанина стоитъ его вѣра въ вѣчную и блаженную жизнь со Христомъ. Созерцающаго воскресшаго Спасителя—Богочеловѣка, христіанинъ почерпаетъ изъ этого идеала благодатныя силы „ежедневно“ и постепенно „преобразовываться обновленіемъ духа (ума) нашего“ (Рим. 12, 2,—2 Кор. 4, 16 ср. Кол. 3, 10—11), надѣяться на „преобразование Спасителемъ уничиженнаго тѣла нашего сообразно славному тѣлу Его“ (Филип. 3, 21),—изъ „тѣла душевнаго“ въ „тѣло духовное“ (1 Кор. 15, 42 сл.),—„съ открытымъ лицомъ, какъ въ зеркалѣ, взирая на славу Господню преобразжаться въ тотъ же образъ, отъ славы въ славу, какъ отъ Господня Духа“ (2 Кор. 3, 18), „въ новаго духовнаго человека по Богу и Христу“ (Іоан. 3, 3 сл. Рим. 6, 4 дал. 7, 6. 24. 25; 2 Кор. 5, 16 — 17; Гал. 6, 15; Ефес. 2, 15; 4, 13, 24; Тит. 3, 5 ср. еще: 1 Кор. 2, 6 — 3, 3; 13, 9 дал. 15, 22 дал. 2 Кор. 5, 14 дал. Гал. 6, 15, Кол. 1, 27—28; Филип. 2, 5 сл. Евр. 2, 10—16 др.). Въ этомъ процессѣ духовнаго совершенствованія человѣчества по образу богочеловѣчества Христа страданія и смерть являются только переходящими средствами и временными путями къ евангельскому идеалу. Поэтому существеннѣйшее значеніе здѣсь имѣютъ, повторимъ, не страданія сами по себѣ и не смерть какъ таковая, но предначинающееся уже въ сей жизни и продолжающееся по смерти *блаженство* славы и духовно-тѣлеснаго перерожденія человека въ совершеннѣйшій образъ по Христу и Богу. почему и „всѣ *не умремъ*, а всѣ *измѣнимся*, ибо тлѣнному сему (тѣлу) надо облещись въ нетлѣніе и смертному сему—въ безсмертіе, когда сбудется слово написанное: поглощена смерть побѣдою, — смерть, гдѣ твое жало? адъ, гдѣ твоя побѣда?“ (1 Кор. 15, 52—55; 1 Фесс. 4, 13—18).

Въ-третьихъ. Не мало, наконецъ, въ сочиненіи проф. Тарьева частныхъ мѣстъ, кои своею темнотою, неловкостью и голословностью могутъ вызывать разныя недоумѣнія и сомнѣнія, особенно въ лицахъ или съ чрезчуръ разслабленною или же съ чрезмѣрно затвердѣлою совѣстью. Такъ на 21 стр. отвергается и называется „наивнымъ взглядъ на чудеса, какъ на средство возбужденія вѣры“ и вообще въ разсужденіяхъ автора о чудесахъ есть неясности (впрочемъ для уясненія взглядовъ автора ср. выдержку изъ Іоанна Златоуста на стр. 301 по 307). На стр. 25 сказано: „истинная божественная жизнь въ словѣ Божіемъ (гдѣ же это?) называется славою божественною и Христосъ отрекся отъ внѣшняго проявленія божественной славы“, а на стр. 77 онъ выражается: „по существу Его ученіе и дѣла были ничѣмъ инымъ, какъ откровеніемъ божественной жизни“. Стр. 32: „душу человѣка нужно представлять въ видѣ луча, исходящаго отъ Бога и снова къ Нему возвращающагося, и только на некоторомъ протяженіи отграниченнаго сознаниемъ“ (хотя авторъ и оговаривается о пантеистическомъ пониманіи этого образа, но оговориться еще не значитъ устранить мысль о прекращаемости сознанія, ибо если понимать образъ иначе, онъ лишается всякаго смысла). Стр. 33: „безпристрастное сопоставленіе Иисуса Христа съ простымъ человѣкомъ должно вести не къ умаленію божественнаго достоинства Христа, а къ возвышенію Его человѣческаго достоинства“. Воззрѣнія автора, содержащіяся на страницѣ 35-й, какъ и во всей второй главѣ, изложены не съ достаточною полнотою и ясностью. Стр. 63: „побѣда надъ смертію дается не въ безсмертіи человѣка, а въ его воскресеніи по смерти“ эта фраза требуетъ поясненій въ виду 1 Кор. 15, 31 и 1 Фесс. 4, 15—17. Стр. 77—78: „Его (Христа) задачею не было отвѣтить на религіозные вопросы нашего ума... единственный предметъ Его ученія составляла духовная божественная жизнь въ человѣкѣ“. Стр. 78: „ученіе Господа требовало отъ человѣка ненависти къ самой жизни своей“. Разсужденія о чудесахъ на стр. 88—89. На стр. 90 неясно разсужденіе объ ученіи Господа въ первый періодъ Его служенія. Стр. 94: „по вѣрѣ Матери Своей Онъ не могъ не сотворить чудася“. Разсужденія о „пневматическихъ символическихъ дѣйствіяхъ Господа“ на стр. 139 прим. и по 146-ю. На стр. 152-153

неяснымъ остается разграниченіе, что „чудеса совершались скорѣе имъ, чѣмъ черезъ Него“. На стр. 177 недостаточно выяснена причина молчанія синоптиковъ о воскрешеніи Лазаря. На стр. 194—195 въ разсужденіяхъ о тайной вечери можно находить злоупотребленіе терминами: символъ и символическій. На стр. 195—196 умовеніе ногъ отнесено авторомъ къ концу вечера (поставленное авторомъ въ скобкахъ греческое выраженіе: *δέξιον γενομένου* вѣроятно есть плодъ филологическаго недоразумѣнія автора, коего утвержденіе здѣсь предполагаетъ другое чтеніе, именно: *γενομένου*), а на стр. 197 при предложеніи Христомъ хлѣба и чаши ученикамъ еще присутствуетъ Иуда, что очевидно не могло быть въ концѣ вечера. Стр. 208: смерть Христа „была смертью Сына Божія“ и здѣсь же неясно разсужденіе о внѣшней богооставленности Сына Божія. Стр. 209: „ученики Господа... видѣли теперь (въ геесиманскомъ бореніи), что слава Его, которой они жаждали, позади, а не впереди“. На стр. 211—212 дается очень произвольное объясненіе отреченію ап. Петра (будто синедрионъ потребовалъ Петра въ свидѣтели), такъ какъ вмѣстѣ съ нимъ на дворѣ первосвященника былъ и Іоаннъ,—при томъ же Петръ, послѣ раскаянія, могъ бы воротиться во дворъ и предстать на судъ въ качествѣ свидѣтеля за Христа. На стр. 213—214 ср. 282 разсужденія о смерти требуютъ разъясненій и согласованія съ 1 Кор. 15, 51 и 1 Фесс. 4, 12. Стр. 223: „совершалась величайшая тайна, составляющая *сердцевину* человѣческой исторіи, ея высочайшій смыслъ“ ср. стр. 275: „какъ дѣло Христа побѣждаетъ *сердцевину* нашего зла, такъ и смерть отравляетъ самую *сердцевину* нашего существованія“ (сердцевина есть омертвѣлая часть дерева). Въ исторіи распятія и смерти Господа опущено изъясненіе истеченія крови и воды изъ прободеннаго бока Христа. Стр. 227: „дѣйствительное значеніе смерти Христа, Сына Божія, состоитъ въ томъ, что она есть переходъ Его духовной жизни въ людей (переходъ можетъ предполагать уничтоженіе преходящаго), нарожденіе въ нихъ Его духа“ (однако Господь сообщилъ апостоламъ Духа по Своемъ воскрешеніи, а не въ самомъ актѣ Своей смерти). Не обычны для богословской терминологіи выраженія: „*пневматическая стихія*“ и „перерожденіе *стихійнаго духа Божія* въ свободный духъ Христовъ“ (стр. 307—308) для обозначенія тѣхъ

духовныхъ дарованій, кои Апостолъ считаетъ низшими (даръ языковъ) по сравненію съ высшими (даръ пророчества и др.). Риторикою отзывается и неясна на 289 стр. фраза: „въ одну секунду смерти христіанинъ можетъ пережить вѣчность, перейти въ вѣчность“. Темны разсужденія на стр. 275—276. На стр. 285 ср. 287 не выяснено значеніе воскресенія невѣрующихъ во Христа, какъ не дано и точнаго и полнаго раскрытія понятій „воскресенія“ и „безсмертія“. Въ отношеніи воскресенія Христова, какъ и вообще чудесъ, авторъ ограничивается изслѣдованіемъ исключительно только ихъ нравственнаго смысла. И хотя эта сторона освѣщена авторомъ прекрасно, но тѣмъ было бы желательнѣе получить такое же изслѣдованіе ихъ и со стороны метафизической подъ руководствомъ именно идеи богочеловѣчества Христова. Подъ лучомъ этой идеи плодотворно было бы и ближайшее освѣщеніе свойствъ воскресшаго тѣла Христова, какъ и специальное изслѣдованіе понятій плоти, тѣла, духа, тѣла духовнаго, душевнаго, матеріальнаго и другихъ соприкосновенныхъ. Всего этого тѣмъ естественнѣе ожидать отъ автора, что онъ повидимому стоитъ уже на правильномъ пути къ этому, въ примѣчаніи на 250—252 стр. весьма основательно раскрывая недостатки дуалистическаго взгляда на тѣло и духъ. Наконецъ приложение, какъ заявляетъ авторъ, „составленное по какимъ-то мотивамъ чисто субъективнаго характера“ (стр. 309, прим.), и по разсужденіямъ автора отличается большою субъективностью, рѣзкостью и односторонностью, на примѣръ: „евангеліе Луки (въ опредѣленіи хронологической связи событій) не можетъ служить безошибочнымъ руководствомъ“ (неловкое выраженіе: авторъ очевидно разумѣетъ не само *евангеліе*, а тѣ или другія опредѣленія его хронологіи *учеными*). Многія изъ этихъ, какъ и другія возможныя недоумѣнія объясняются частію особенностями постановки и рѣшенія избраннаго авторомъ вопроса для своего сочиненія, а частію своеобразіемъ и сжатостію изложенія, главное же тѣмъ, что многія изъ выше данныхъ требованій должны составить задачу второй части труда,— коего предметомъ будетъ „ученіе Господа“. Общее заключеніе о книгѣ могу дать такое. Положительнаго значенія въ *современной школьной наукѣ* по Священному Писанію Новаго Завѣта эта книга имѣть не можетъ уже потому, что самъ

авторъ со всею рѣшительностію отрицаетъ задачи и методы этой науки. Но въ *дисциплинѣ*, носящей названіе *нравственнаго богословія*, имѣющей своею задачею не историческую критику и возстановленіе (конечно мнимое) первохристіанства (задача протестантизма), а систематизацію и интерпретацію нравственныхъ идеаловъ православно—христіанской церкви, книга проф. Тарѣва должна занять мѣсто какъ попытка дать болѣе или менѣе полное, послѣдовательно-систематичное и самостоятельно продуманное раскрытіе идеи самоуничженія Господа Христа въ каноническомъ четвероевангеліи. Кромѣ того она можетъ быть весьма плодотворнымъ явленіемъ въ *русской богословской литературѣ* въ качествѣ *направленія* или *настроенія* для все болѣе увеличивающагося числа лицъ, „изслѣдующихъ писанія“ не съ *научно-школьною* цѣлью и по *научно-школьнымъ* методамъ, а „думающихъ *имѣть* чрезъ нихъ, какъ свидѣтельствующихъ“ о Спасителѣ Богочеловѣкѣ, „жизнь вѣчную“ (Іоан. 5, 39),— не ищущихъ ученой катены *разныхъ мнѣній*, а желающихъ обвѣяться *духомъ евангельскаго идеала* (Іоан. 3, 5—8),— не *изъянящихся* Евангелія, а *проникающихся* въ нихъ „живымъ и дѣйственнымъ Словомъ Божиимъ“ (Евр. 4, 12).

Наконецъ по вопросу о докторской степени, оставляя на полную отвѣтственность автора всѣ вышеуказанныя и возможные другія недоумѣнія, какъ личныя его мнѣнія (такую формулу отношенія рецензента къ личнымъ и могущимъ вызывать недоумѣнія мнѣніямъ авторовъ докторскихъ диссертаций санкціонировалъ Святѣйшій Синодъ въ указѣ на имя Высокопреосвященнаго Митрополита Московскаго отъ 30 іюля 1898 года за № 4096), я хотя и нахожу въ „*философій евангельской исторіи*“ обще-идейное единство съ первой книгою или, какъ выражается самъ авторъ, „*pendant* къ изслѣдованію „Уничженіе Господа нашего Іисуса Христа“, но въ отношеніи собственно къ докторству автора со всею рѣшительностію отдаю *научное преимущество* первой книгѣ, какъ несравненно болѣе удовлетворяющей задачамъ и приемамъ современной *школьной богословско-экзегетической науки*.

Къ такому заключенію склоняюсь съ тѣмъ болѣею рѣшительностію, что за границею докторскія степени получаютъ едва ли не легче нашихъ кандидатскихъ: девять

обстоятельныхъ семестровыхъ сочиненій и отличная кандидатская работа могутъ сполна покрывать всю сумму того научно-литературнаго труда, какая требуется на теологическихъ европейскихъ факультетахъ отъ докторства средняго достоинства. Чрезмѣрная тутъ требовательность можетъ вести лишь къ обѣднѣнiю и безъ того скудной русской научно-богословской литературы и шире отворять двери къ вторженiю въ нее писательства на богословскіе вопросы людей научно къ тому мало подготовленныхъ и совсѣмъ непризванныхъ.

Замѣчаніе это однако же излишне въ вопросѣ о докторствѣ проф. Тарѣева, уже давно снискавшаго себѣ достойную извѣстность въ русской богословской литературѣ другими своими многочисленными и обширными трудами, каковы: „Искушенія Богочеловѣка“ 1892 г., „Искушенія Господа нашего Иисуса Христа“ 1900 г., „Цѣль и смыслъ жизни 1902 г.“, „По вопросамъ гомилетики 1903 г.“, и другіе болѣе мелкіе труды. Шестъ книгъ и нѣсколько статей въ двѣнадцать лѣтъ, изъ коихъ большая часть была посвящена тяжелой и для научно-литературнаго труда мало удобной преподавательской службѣ въ духовной семинаріи—работѣ, необычайно производительная даже и для молодого энергичнаго ученаго“.

Справка: 1) § 142 устава духовныхъ академій: „Степени доктора богословія, равно какъ церковной исторіи и церковнаго права, удостоиваются магистры богословія безъ устнаго испытанія, по представленіи напечатанной диссертациі или сочиненія, хотя бы и написаннаго не съ цѣлію полученія ученой степени“.—2) Профессоръ Михайль Тарѣевъ степени магистра богословія удостоенъ Совѣтомъ Московской Духовной Академіи и утвержденъ въ означенной степени указомъ Святѣйшаго Синода отъ 18 февраля 1902 г. за № 1415.—3) По § 81 лит. в. п. 6 устава духовныхъ академій удостоеніе степени доктора значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ, чрезъ Епархіальнаго Преосвященнаго, на утверженіе Святѣйшаго Синода:

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ нравственнаго богословія, магистра богословія, Михайла Та-

рѣва въ искомой имъ степени доктора богословія.—2) Представить Его Высокопреосвященству по одному экземпляру, а въ Святѣйшій Синодъ—по десяти экземпляровъ трудовъ профессора Тарѣва и копии съ отзывовъ о нихъ Ректора Академіи Епископа Евдокима и заслуженнаго ординарнаго профессора Митрофана Муретова.

III. Отзывы о сочиненіи помощника секретаря Совѣта и Правленія Московской Духовной Академіи, кандидата богословія, Михаила *Бенеманскаго* подъ заглавіемъ: „*Ὁ πρόχειρος γόμος*“ Императора Василия Македонянина („Градскаго закона главы различны въ четьредесятыхъ граняхъ“—48-ая глава II-ой части печатной Кормчей).—Его происхождение, характеристика и значеніе въ церковномъ правѣ“, представленномъ (въ рукописи) на соисканіе степени магистра богословія:

а) Заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ церковнаго права Николая *Заозерскаго*:

„Названное сочиненіе г. Бенеманскаго представляетъ собою специальное историко-критическое изслѣдованіе законодательнаго памятника Византіи, по частямъ и въ цѣломъ видѣ въ теченіи многихъ вѣковъ входившаго въ составъ русской кормчей книги и разсматривавшагося обыкновенно какъ памятникъ русскаго церковнаго права.

Сочиненіе обладаетъ всѣми свойствами ученой монографіи. Оно начинается обзорнѣемъ ученой литературы о прохиронѣ—западной и русской. Это—не простой перечень литературы предмета, но связанное историческое обзорнѣе опытовъ изученія прохирона, въ результатѣ приведшихъ къ тому научному освѣщенію его, которое даетъ разсматриваемое сочиненіе г. Бенеманскаго, само внутренне приростая къ этой цѣпи опытовъ. Обзорнѣе очень полное, по мнѣнію самого автора составляющее „особый отдѣлъ“ его сочиненія (стр. 9—65).

Самое изслѣдованіе дѣлится на двѣ части, съ подраздѣленіемъ каждой на отдѣленія и періоды, весьма подробное оглавленіе которыхъ и предлагается въ началѣ сочиненія (I—XVI).

Отмѣтимъ главные пункты, на изслѣдованіе которыхъ былъ направленъ трудъ автора.

Первая часть сочиненія посвящена исторіи происхожде-

нія, характеристикъ и значенію прохирона, какъ византійскаго памятника права; вторая—историческому значенію его въ славянскихъ земляхъ и въ Россіи.

Первый отдѣлъ 1-й части посвященъ изслѣдованію надписаній прохирона, его предисловію и внѣшнему построенію—распредѣленію матеріи его по титуламъ и общему изложенію его содержанія (66—112).

Второй отдѣлъ подъ рубрикою: характеристика прохирона со стороны его достоинствъ и недостатковъ содержитъ сначала очень подробныя изслѣдованія о личномъ характерѣ Императора Василія Македонянина, какъ автора прохирона, за тѣмъ исторію составленія послѣдняго, цѣль, какую преслѣдовалъ издатель, достоинство его какъ законодательнаго уложенія сравнительно съ уложеніемъ предшествовавшаго времени—эклогой Л. Исавра, и источники, изъ которыхъ издатель прохирона черпали матеріалъ свой. Такое содержаніе рассматриваемаго отдѣла не вполне отвѣчаетъ рубрикѣ, поставленной въ его заголовкѣ, и недостаточно соответствуетъ тому центральному положенію, какое онъ занимаетъ въ 1-й части сочиненія. Въмѣсто того, чтобы дать полную характеристику прохирона какъ кодекса законовъ, авторъ сообщаетъ главнымъ образомъ исагогическія свѣдѣнія объ обстоятельствахъ времени, при какихъ возникъ онъ. По существу своему этотъ отдѣлъ есть фрагментъ изъ общей исторіи византійскаго права, посвященный эпохѣ, въ которой явился прохиронъ. Что же касается положительной характеристики самаго памятника, то ея здѣсь почти нѣтъ. Авторъ даетъ ее уже въ IV-мъ—послѣднемъ отдѣлѣ 1-й части; зачѣмъ онъ такъ далеко отнесъ этотъ послѣдній отдѣлъ, — трудно понять.

Отдѣлъ третій (328—468) выясняетъ значеніе прохирона въ послѣдующей исторіи византійскаго *гражданскаго* права, при чемъ снова дѣлается оцѣнка общей законодательной дѣятельности Императора Василія Македонянина—что является ненужнымъ повтореніемъ начала предыдущаго отдѣла.

Отдѣлъ IV носитъ слѣдующую общую рубрику: *Значеніе прохирона въ церковномъ правѣ Византіи*. Но собственно раскрываетъ эту рубрику только начало отдѣла (стр. 469—475). Далѣе же слѣдуетъ довольно подробная характеристика самаго содержанія прохирона, о которой упомянуто было выше;

здѣсь дается характеристика титуловъ прохирона, посвященныхъ праву имущественному, брачному, наслѣдственному, процессуальному и уголовному. Послѣ этого безъ достаточно прочной логической связи авторъ переходитъ къ изображенію вліянія прохирона на синтагму М. Властаря (стр. 687).

Эта внѣшняя нестройность въ распланировкѣ содержания первой части, легко поправимая, если авторъ желаетъ устранить ее, не препятствуетъ, однакоже, весьма одобительно отозваться о самомъ ея содержаніи. Авторъ тщательно изучилъ иностранную литературу по данному предмету, обильно воспользовался ею, изучилъ подлинный текстъ прохирона и другіе памятники византійскаго законодательства, имѣющіе къ нему отношеніе и представилъ очень цѣнную монографію въ скудной изслѣдованіями русской византологической литературѣ: авторъ безупреченъ въ отношеніи эрудиціи. Его изслѣдованіе значенія прохирона для синтагмы М. Властаря—содержитъ очень цѣнныя поправки къ спеціальной монографіи о. Ильинскаго.

Вторая часть сочиненія г. Бенеманскаго озаглавляется рубрикою: Прохиронъ у славянскихъ народовъ, а первый отдѣлъ ея болѣе частною: „Прохиронъ у южныхъ славянъ“. Послѣ такихъ заглавій читатель имѣетъ право ожидать, конечно, указаній автора на помѣщеніе прохирона въ сферѣ или въ ряду памятниковъ славянскаго законодательства. Однакоже сверхъ ожиданія ему предлагается прослѣдить значеніе прохирона еще въ двухъ памятникахъ *византійскаго* права—*Ecloga ad prochiron mutata* и *Hexabiblos Harmenopuli*. Читатель, конечно, не можетъ отказаться отъ такого предложенія, но онъ рѣшительно не понимаетъ, почему эти византійскіе памятники перенесены изъ первой во вторую часть сочиненія г. Бенеманскаго.

Въ 1-мъ отдѣлѣ 2-й части авторъ подробно разсуждаетъ объ усвоеніи прохирона въ Сербіи—Кормчей Григорія Рашскаго, Морачной Кормчей и Законникомъ Стефана Душана. Въ этомъ отдѣлѣ обращаетъ на себя вниманіе анализъ текста прохирона въ Морачной Кормчей. Авторъ предпринялъ на себя трудъ сравнить этотъ сербскій переводъ съ подлинникомъ греческимъ и высказать свое сужденіе о достоинствѣ перевода. За этотъ трудъ русская наука церков-

наго права можетъ отнестись къ г. Бенеманскому только съ признательностію.

Второй несоизмѣримо большій отдѣлъ 2-й части посвященъ изслѣдованію значенія прохирона въ русскомъ правѣ. Онъ построенъ авторомъ такъ, что имѣетъ видъ самостоятельнаго цѣлаго, отдѣленнаго отъ предыдущихъ частей сочиненія обширнымъ спеціальнымъ введеніемъ и даже спеціальнымъ эпиграфомъ. (Послѣдній, какъ будто, совсѣмъ не нуженъ). Такое выдающееся отличіе этого отдѣла въ цѣломъ сочиненіи основывается безъ сомнѣнія на важности содержанія его и на томъ глубокомъ значеніи и интересѣ, какой представляетъ для русскаго юриста и канониста предметъ, изслѣдуемый авторомъ въ настоящемъ отдѣлѣ. Усердіе и трудъ изученія, приложенные здѣсь авторомъ, вполне соотвѣтствуютъ важности и интересу изслѣдуемаго предмета, который самъ по себѣ могъ бы быть темою спеціально-ученой монографіи. Значеніе прохирона въ исторіи русскаго правообразованія обширно и глубоко. Оно замѣтно въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго права и сохраняетъ слѣды свои даже въ законодательствѣ XIX вѣка и при этомъ въ такихъ сферахъ права, какъ брачное и семейственное, наследственное (по закону о завѣщаніи), уголовное и процессуальное. Въ своемъ изслѣдованіи авторъ и задался цѣлію прослѣдить такое значеніе прохирона въ исторіи нашего права церковнаго и государственнаго, и выполнилъ эту задачу съ примѣрнымъ усердіемъ. Онъ различаетъ три періода въ исторіи русскаго правообразованія, въ которыхъ замѣтно различное по степени вліяніе и значеніе прохирона въ нашемъ правѣ. Первый періодъ отъ начала Руси до XIII вѣка, второй—отъ XIII до XVII, и третій—въ XVIII и XIX.

Въ общемъ характеристика сочиненія г. Бенеманскаго опредѣляется слѣдующими чертами.

По предмету и содержанію своему оно, какъ сказано выше, дѣлится на двѣ части: въ первой *Πρόχειρος νόμος* изслѣдуется какъ законодательное уложеніе Византійскаго права, во второй—какъ реципированный источникъ общеславянскаго и русскаго права. Обѣ эти части различаются и нѣкоторыми внутренними свойствами: въ первой авторъ менѣе самостоятеленъ, чѣмъ во второй—что весьма естественно. Какъ византійскій памятникъ, *Πρόχειρος νόμος* нашелъ себѣ

уже довольно богатую иностранную литературу, и автору оставалось только изучить ее и представить последнее слово ей—что онъ и сдѣлалъ съ похвальнымъ усердіемъ, хотя, какъ указано выше, и не безъ недостатковъ во внѣшнемъ изложеніи обширнаго матеріала, который такъ сказать одолѣвалъ его своею массою. Отсюда проистекло естественно и другое свойство этой части сочиненія—сухость, вялость изложенія, дѣлающая чтеніе сочиненія скучноватымъ даже и для специалиста.

Вторая часть сочиненія, напротивъ, читается съ глубокимъ интересомъ. Что же сообщаетъ ей этотъ интересъ? Самостоятельная учено-творческая дѣятельность автора. Здѣсь авторъ не имѣлъ почти предшественниковъ. Онъ самъ собиралъ матеріалы по исторіи русскаго законодательства; съ прохирономъ въ рукахъ онъ пристально слѣдилъ за текстомъ древне-русскихъ памятниковъ и законодательныхъ кодексовъ новой Россіи, чтобы отыскать въ нихъ вліяніе прохирона. Онъ тщательно изыскивалъ и сличалъ варианты русскихъ и славянскихъ кормчихъ и, сравнивая съ греческимъ текстомъ, старался дать критическую оцѣнку достоинства этихъ вариантовъ. Такъ что въ этой части сочиненія автора есть первый, солидно научный комментарий къ 48-й главѣ Кормчей книги. И внѣшнее изложеніе этой части совершенно безукоризненно.

Въ виду этихъ достоинствъ сочиненія г. Бенеманскаго признаю его вполне удовлетворительнымъ для степени магистра богословія и почитаю своимъ долгомъ обратить особенное вниманіе Совѣта Академіи съ цѣлю поощрить усерднаго и талантливаго автора оказаніемъ пособія для изданія его сочиненія, или иначе какъ-либо поощрить его достаточно заявленную настоящимъ опытомъ способность къ серьезнымъ ученымъ работамъ.“

б) Экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ новой гражданской исторіи Ивана *Андреева*:

„Одной изъ самыхъ интересныхъ проблемъ для русскаго историка является уясненіе культурнаго воздѣйствія Византии на Русь. Проблема эта большой сложности и рѣшеніе ея сопряжено съ громадными трудностями. На этомъ полѣ трудились многіе наши первоклассные работники, какъ покойные Терновскій, Павловъ, Васильевскій, нынѣ здравствующіе

щій академикъ Голубинскій и многіе другіе. Но жатва и доселѣ еще остается чрезвычайно обильной. Обработку одного изъ уголковъ этого поля взялъ на себя и г. Бенеманскій.

Его изслѣдованіе распадается на двѣ части и обнимаетъ собственно двѣ темы: исторію и значеніе Прохирона въ Византіи и исторію этого памятника у Славянскихъ народовъ, особенно на Руси. Начинается оно обзоромъ западной и русской литературы о Прохиронѣ (стр. 9—65). Въ отдѣлѣ первомъ (стр. 66—112) авторъ говоритъ о названіяхъ Прохирона, его надписаніи, опредѣляетъ время его написанія, анализируетъ предисловіе къ нему, опредѣляетъ порядокъ титуловъ и даетъ общее содержаніе.—Отдѣлъ II-й первой части содержитъ (стр. 113—327) характеристику Прохирона со стороны его достоинствъ и недостатковъ. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщена біографія Василя Македонянина, выясняется состояніе права передъ нимъ, сравнивается Прохиронъ съ Эклогою, отмѣчаются источники Прохирона.—Въ отдѣлѣ III (стр. 328—468) опредѣляется вліяніе Прохирона на послѣдующіе за нимъ законодательные сборники—Эпанагогу, Василики и сборники частныхъ лицъ, на *Ecloga privata*, *Epanagoge cum Prochiro composita* и т. д. Въ отдѣлѣ IV-мъ (стр. 469—780) авторъ изслѣдуетъ значеніе Прохирона въ церковномъ Византійскомъ правѣ и даетъ подробный анализъ постановленій его объ эмфитевзисѣ церковныхъ земель, о завѣщаніяхъ епископовъ и монаховъ и т. д., брачнаго, наслѣдственнаго и уголовного права, постановленій касательно судопроизводства. Въ концѣ отдѣла авторъ подробно говоритъ объ отношеніи къ Прохирону Синтагмы Матѳея Властаря.

Во второй части (стр. 781—1258) г. Бенеманскій излагаетъ исторію Прохирона у Славянъ. Въ отдѣлѣ первомъ этой части онъ говоритъ о значеніи Прохирона для славянъ южныхъ вообще, останавливается на „Эклогѣ, измѣненной по Прохирону“, на „Шестокнижїи“ Константина Арменопуло, излагаетъ исторію и анализъ перевода Прохирона въ Сербскихъ кормчихъ и опредѣляетъ его вліяніе на Законникъ Стефана Душана.—Весь обширный второй отдѣлъ посвященъ изученію значенія Прохирона въ русскомъ правѣ. Исторія памятника здѣсь разбита на три періода: 1) отъ крещенія Руси до полученія въ 1262 г. изъ Болгаріи полнаго Номоканона въ славянскомъ переводѣ; 2) съ 1262 г. до состав-

ленія Уложенія царя Алексѣя Михайловича и 3) до настоящаго времени. Авторъ здѣсь обыскиваетъ всѣ многочисленныя русскіе юридическіе сборники и судебную практику и внимательно слѣдитъ, какъ постановленія Прохирона всасывались въ русское право. На послѣднихъ страницахъ (1280—1311) дано небольшое заключеніе и помѣщены разныя таблицы параллельныхъ мѣстъ Прохирона, Эклоги, Эпаналоги, Василикъ, Уложенія и т. д.

Ислѣдованіе г. Бенеманскаго поражаетъ массою затраченнаго на него труда. Авторъ расходовалъ свои силы и усердіе, можно сказать, расточительно. Если составить списокъ его источниковъ и пособій (что я и совѣтую ему сдѣлать), то уже одинъ голый перечень расскажетъ многое въ его пользу. Г. Бенеманскій написалъ сразу два самостоятельныхъ ислѣдованія. На столь обширномъ пути онъ почти постоянно встрѣчался съ вопросами, рѣшеніе которыхъ требовало отъ него черновой неблагодарной, упорной работы, и всегда бралъ на себя эту работу съ рвеніемъ, заслуживающимъ одобренія. Во многихъ мѣстахъ ему, конечно, приходилось вступать на дорогу, по которой ходили и другіе. Во всѣхъ такихъ случаяхъ г. Бенеманскій внимательно выслушиваетъ своихъ предшественниковъ и умѣло разбирается въ ихъ часто несогласныхъ рѣшеніяхъ, ибо всегда опирается на собственное изученіе источниковъ. Довольно часто онъ оживляетъ свою работу свѣжими догадками и объясненіями, всегда полезными и нерискованными. Таковы напр. его соображенія о годѣ составленія Прохирона, объ оффиціальномъ значеніи Эпаналоги, объ уголовномъ правѣ Законника Стефана Душана и мн. др.—Въ результатѣ получилось ислѣдованіе, которое для справокъ будетъ полезно въ библіотекѣ византолога, канониста и русскаго историка. Въ моихъ глазахъ это высшая похвала, на которую можетъ претендовать ислѣдованіе, писанное на степень магистра.

Какъ первое литературное произведеніе и притомъ очень обширное, сочиненіе г. Бенеманскаго не могло оказаться безъ нѣкоторыхъ недочетовъ. Они должны быть отмѣчены впрочемъ только съ точки зрѣнія повышенныхъ требованій, которыя теперь предъявляются ко всякой книгѣ по византологіи. Сочиненіе г. Бенеманскаго не останется въ средѣ маленькаго кружка русскіхъ богословъ. Читателями его бу-

дуть русскіе и иностранные византологи и юристы, люди, набалованные превосходными работами, требовательные и строгіе. Г-ну Бенеманскому придется выслушать отъ нихъ не мало упрековъ и обвиненій. Къ сожалѣнію именно та часть его работы, къ которой будутъ предъявлены наиболѣе суровыя требованія, первая и большая часть, обнимающая исторію Прохирона въ Византіи, представляетъ болѣе уязвимыхъ мѣстъ, чѣмъ вторая. Сочиненіе г. Бенеманскаго вообще въ началѣ слабѣе, чѣмъ въ серединѣ и концѣ. Видно сразу, что авторъ росъ и крѣпнулъ во время самой работы. Въ первой части и приемы изслѣдованія не такъ зрѣлы, и стиль небрежнѣе и пособія не всегда исчерпаны въ должной полнотѣ. Говоря о пособіяхъ, я разумѣю труды по исторіи Византіи вообще, а не по исторіи права: въ этой области г. Бенеманскій безупреченъ. И упущенія по части историческихъ справокъ не выходятъ за предѣлы допустимаго и извинительнаго. У него эти упущенія понятны болѣе, чѣмъ у кого либо, въ виду необычайной широты его темы. Нѣкоторая небрежность допущена прежде всего при написаніи біографіи издателя Прохирона императора Василя. Она могла быть составлена болѣе рачительно и полно и въ такомъ видѣ годилась бы для лучшаго рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ о Прохиронѣ. Игнорированіе исторической обстановки также ведетъ автора къ несерьезному объясненію того очень серьезнаго факта, что редакторы Прохирона, несмотря на выходку противъ Эклоги въ предисловіи, изъ нея именно заимствовали уголовное право. Авторъ полагаетъ, что творцы Прохирона работали подъ конецъ все быстрѣе и небрежнѣе, поэтому и титулы о наказаніяхъ просто списали съ Эклоги, а не составили самостоятельно.

Есть нѣкоторые недосмотры въ распланировкѣ матеріала. Прежде всего нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что г. Бенеманскій не дописалъ исторію Прохирона въ Византіи. Онъ кончаетъ обзоромъ „Шестокнижія“ Арменупуло. Остается непонятнымъ, почему исторія Прохирона не доведена до настоящаго времени. Исторія вліянія этого сборника на родинѣ въ новое время весьма поучительна особенно потому, что патріархъ Константинопольскій съ половины 15 вѣка становится не только главою церкви, но и главою народа: греческое населеніе стало подсудно ему и по

многимъ гражданскимъ дѣламъ, которыя раньше вѣдалъ коронный судъ.

Затѣмъ авторъ напрасно беретъ сначала для изученія исторію не всего Прохирона, опуская напр. право обязательственное. Мотивируетъ онъ этотъ пропускъ тѣмъ, что обязательственное право стоитъ далеко отъ права каноническаго. Но этой отговоркѣ авторъ самъ во второй части не придаетъ уже значенія, ибо напр. рѣшаетъ вопросъ о томъ, насколько обязательственное право Прохирона вліяло на Уложение царя Алексѣя Михайловича.

Въ заключеніе можно посовѣтовать автору выпустить при печатаніи встрѣчающіяся по мѣстамъ рѣзкія замѣчанія по адресу его предшественниковъ по работѣ („плодь недомыслия ученыхъ“ и т. п.). Такія замѣчанія не могутъ быть украшеніемъ ученой работы.

Мое заключеніе таково: г. Бенеманскій серьезный работникъ и степени магистра богословія заслуживаетъ вполне“.

Справка: 1) § 31 „Положенія объ испытаніяхъ на ученые степени: „Сочиненіе, представленное на степень магистра богословія и признанное удовлетворительнымъ, должно быть напечатано, но въ Совѣтъ Академіи для разсмотрѣнія оно можетъ быть представлено и до напечатанія, въ рукописи четкой и чистой“. 2) По § 81 лит. а п. 10 устава духовныхъ академій „одобреніе къ напечатанію сочиненій, писанныхъ на соисканіе ученыхъ степеней“, значитъ въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: 1) Дозволить кандидату богословія Михаилу Бенеманскому печатать его диссертацию на степень магистра богословія. 2) Сужденіе о коллоквиумѣ имѣть по представленіи г. Бенеманскимъ Преосвященному Ректору Академіи 60-ти экземпляровъ напечатанной диссертациі.

IV. Прошеніе кандидата богословія Александра *Мишина*: „Прилагая при семъ изслѣдованіе свое подъ заглавіемъ: „Догматическое ученіе Евсевія Кесарійскаго“, честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи допустить его на соисканіе степени магистра богословія“.

Справка: 1) Г. Мишинъ окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ 1901-мъ году со степенью кандидата богословія и правомъ при исканіи степени маги-

стра не держать новаго устнаго испытанія. 2) По § 81 лит. а. п. 6 устава духовныхъ академій „распоряженіе о разсмотрѣнн диссертаціи на ученныя степени и оцѣнка оныхъ“ значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: Магистерскую диссертацію кандидата богословія Александра Мишина передать для разсмотрѣнн экстраординарному профессору Академіи по кафедрѣ патристики Ивану *Попову*.

V. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторымъ рецензентомъ магистерской диссертаціи кандидата Мишина онъ назначаетъ члена Совѣта—экстраординарнаго профессора по кафедрѣ общей церковной исторіи Анатолія *Спаскаго*:

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VI. а) Отчетъ профессорскаго стипендіата Академіи Ивана *Зеленцова* о его занятіяхъ въ теченіи 1903—1904 учебнаго года на историко-филологическомъ факультетѣ Императорскаго Московскаго Университета.

б) Отзывъ объ означенномъ „Отчетѣ“ экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ метафизики и логики Алексѣя *Введенскаго*:

„Свѣдѣнія, данныя авторомъ „Отчета“ о выслушанныхъ имъ университетскихъ курсахъ, такъ кратки и отрывочны, что, на основаніи ихъ, трудно сдѣлать какой-либо опредѣленный выводъ. Указанія на самостоятельныя занятія его философіею болѣе опредѣленны. Но, къ сожалѣнію, въ нихъ передъ нами выступаетъ лишь общая у философіи съ другими науками черта, но не ея видовая разность (*differentia specifica*), между тѣмъ какъ очевидно, что именно ее то и было бы интереснѣе всего узнать. Въ самомъ дѣлѣ, о философіи, какъ проявленіи стремленія нашего ума къ единству, теперь говорятъ многіе. Но вѣдь многіе также говорятъ и о другихъ наукахъ, какъ проявленіи того же стремленія, и о нравственности также. Гдѣ же, спрашивается, специфическія различія между всѣми этими, тождественными по существу стремленіями?.. Какъ видимъ, „Отчетъ“ оставляетъ насъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Но одно, во всякомъ случаѣ, въ немъ для рецензента ясно: г. профессорскій стипендіатъ *Зеленцовъ* имѣетъ не только интересъ

къ философіи, но и природную къ ней расположенность,— что называется „философскую голову“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VII. Прошеніе профессорскаго стипендіата Ивана *Зеленцова*: „Имѣю честь просить Совѣтъ Академіи ходатайствовать о назначеніи меня въ одну изъ южныхъ или западныхъ семинарій предпочтительно на одинъ изъ слѣдующихъ предметовъ: философію, исторію и греческій языкъ“.

Справка: 1) По § 56 устава духовныхъ академій: „Если приготовлявшійся къ преподавательской должности въ Академіи по какимъ-либо обстоятельствамъ не займетъ оную, то установленнымъ порядкомъ назначается на соотвѣтствующую предмету его занятій преподавательскую должность въ одной изъ духовныхъ семинарій“. 2) По § 56 устава духовныхъ семинарій: „Преподаватели семинарій опредѣляются на должности, въ теченіе всего учебнаго года, Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, по докладамъ Учебнаго Комитета“.

Опредѣлили: Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода о назначеніи профессорскаго стипендіата Ивана *Зеленцова* на должность преподавателя въ одну изъ южныхъ или западныхъ духовныхъ семинарій по указаннымъ въ его прошеніи предметамъ.

VIII. Прошеніе профессорскаго стипендіата *Николая Тушицкаго*:

„Задача одновременнаго основательнаго изученія церковно-славянскаго и русскаго языковъ, палеографіи и исторіи русской литературы слишкомъ сложна и обширна, чтобы можно было, при самомъ тщательномъ отношеніи къ дѣлу, выполнить ее за одинъ годъ. Если даже не считается съ традиціоннымъ взглядомъ на трудность занятій славяно-русской филологіей, требующую отъ начинающаго многолѣтней и разносторонней подготовки,—необходимость болѣе продолжительнаго, чѣмъ годичный, періода подготовительныхъ занятій, въ цѣляхъ достаточной спеціализаціи въ области всѣхъ изучаемыхъ мною предметовъ, обусловливается самымъ существомъ дѣла. 1. Хотя исторія литературы тѣсно примыкаетъ къ исторіи языка, но, становясь предметомъ научнаго изслѣдованія, эти двѣ области пред-

полагають различныя задачи изученія и требуютъ различныхъ приемовъ изслѣдованія. Языкъ можетъ быть изучаемъ, или какъ средство въ занятіи литературой, или самъ по себѣ, какъ самостоятельное явленіе человѣческой жизни. Въ послѣднемъ случаѣ лингвистическое изученіе языка тѣмъ дальше отстоитъ, въ смыслѣ цѣлей и методовъ изслѣдованія, отъ изученія литературы, чѣмъ больше представляетъ она интереса со стороны своего самостоятельнаго чисто-идейнаго содержанія. 2. Національное своеобразие отдѣльныхъ славянскихъ языковъ, въ томъ числѣ и церковно-славянскаго и русскаго, не настолько велико, чтобы можно было изолировать изученіе cadaго изъ нихъ отъ остальныхъ. Мало того. Для выведенія законовъ и опредѣленія фактовъ въ развитіи церковно-славянскаго и русскаго языковъ невозможно оставаться даже и въ предѣлахъ исторіи однихъ славянскихъ языковъ. Если одни свойства этихъ послѣднихъ явились въ обще-славянскомъ языкѣ до распада его на отдѣльныя нарѣчія, то другія развились еще на почвѣ обще-индо-европейской или славяно-литовской. Отсюда вытекаетъ необходимость для занимающагося церковно-славянскимъ и русскимъ языками основательнаго знакомства, съ одной стороны, съ другими славянскими и литовскимъ языками, съ другой — съ сравнительнымъ языкознаніемъ вообще. 3. Специализирующійся въ области церковно-славянскаго и русскаго языковъ въ основу своихъ занятій долженъ положить всестороннее изслѣдованіе рукописныхъ источниковъ, пользуясь въ своихъ наблюденіяхъ точными приемами, выработанными наукой. И чѣмъ шире и систематичнѣ эти самостоятельныя наблюденія, тѣмъ глубже и самостоятельнѣе, въ смыслѣ критическаго отношенія, могутъ быть изучены и усвоены и филологическіе ученые труды какъ общаго, такъ и спеціальнаго характера. 4. Задача, которую ставитъ себѣ историкъ литературы, состоитъ въ томъ, чтобы показать происхожденіе разсматриваемыхъ произведеній, уяснить ихъ связь съ условіями и духомъ времени, съ кругомъ идей, событій и историческихъ судебъ, отыскать причины литературныхъ явленій и указать ихъ вліяніе на жизнь. Отсюда понятно, какая масса вспомогательнаго матеріала должна быть въ распоряженіи у приступающаго къ занятіямъ исторіей литературы, особенно

русской, которая издавна была самымъ сильнымъ выраженіемъ міросозерцанія и духовныхъ интересовъ русскаго общества.

Сознавая всю сложность требованій, предъявляемыхъ въ настоящее время къ занимающемуся специально славяно-русской филологіей и исторіей литературы русской, я вынужденъ былъ въ оканчивающемся теперь учебномъ году нѣсколько сѣзуть программу своихъ занятій, ограничить ее предметами первой для меня важности и оставить въ сторонѣ нѣкоторые отдѣлы интересующихъ меня наукъ и цѣлыя вспомогательныя для меня системы. Помимо общихъ причинъ, обуславливаемыхъ разносторонностью и количествомъ филологическаго и историко-литературнаго матеріала, для этого есть еще особыя, частныя причины. Посѣщая лекціи на историко-филологическомъ факультетѣ Петербургскаго университета, я долженъ былъ дѣлать выборъ не только между курсами различной для меня важности, но и между курсами одинаковой важности,—главнымъ образомъ вслѣдствіе совпаденія лекціонныхъ часовъ. По той же причинѣ я лишень былъ возможности посѣщать всѣ „практическія занятія“, находящія себѣ самое широкое примѣненіе какъ на историко-филологическомъ факультетѣ вообще, такъ и на славяно-русскомъ отдѣленіи въ частности. Посѣщая систематически болѣе сложныя изъ нихъ и для меня болѣе нужныя и принимая въ нихъ активное участіе наравнѣ со студентами, я на себѣ испыталъ ихъ необычайную важность. Они сразу же вводятъ участника въ настоящее обладаніе наукой, посвящая его не только въ ея результаты, но и въ ея методы, сокращаютъ время, которое бы должно быть затрачено на чтеніе всѣхъ источниковъ и пособій, что для меня особенно важно относительно предметовъ для меня вспомогательныхъ, второстепенныхъ. Между тѣмъ я не имѣлъ возможности принимать участіе регулярно въ практическихъ занятіяхъ по, столь важному для слависта, литовскому языку подъ руководствомъ пр. д. Э. А. Вольтера и въ особенности въ занятіяхъ по сравнительному языкованію — подъ руководствомъ проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ (для оставленныхъ при университетѣ и специалистовъ, у профессора на дому).—Вмѣстѣ съ тѣмъ я не успѣлъ изучить всѣхъ намѣченныхъ рукописей Императорской Публичной библіо-

теки, которыми занимался какъ по указаніямъ акад. А. И. Соболевскаго, такъ и для своихъ работъ. Причина этого заключается не только въ трудности, съ какою пріобрѣтается навыкъ въ наилучшемъ использованіи рукописи въ наикратчайшій срокъ, но и, главнымъ образомъ, сравнительно незначительное количество времени, которое я могъ удѣлять библиотекъ, каждый день посѣщая университетъ (библиотека открыта отъ 10—3 ч. дня, т.-е., въ тѣ часы, когда въ университетѣ читаются лекціи).

Основываясь на указанныхъ соображеніяхъ, имѣю честь почтительнѣйше просить Совѣтъ Академіи продлить срокъ моей командировки въ Петербургскій университетъ еще на одинъ годъ, предоставить мнѣ средства для существованія и исходатайствовать мнѣ у Г. Ректора университета право посѣщенія лекцій и пользованія университетской библиотекой, наравнѣ съ оставленными при университетѣ, въ теченіе всего 1904—1905 учебнаго года“.

Справка: 1) Окончившій въ минувшемъ 1903 году курсъ и оставленный при Академіи для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ кафедръ кандидатъ богословія Николай Туницкій по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 5 іюня 1903 года избранъ былъ кандидатомъ для замѣщенія вакантной нынѣ кафедры русскаго и церковно-славянскаго языковъ (съ палеографіей) и исторіи русской литературы, при чемъ, согласно представленію бывшаго преподавателя сихъ предметовъ — заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи (въ отставкѣ) Григорія Воскресенскаго, руководившаго занятіями кандидата Туницкаго на IV курсѣ, — послѣднему предложено было Совѣтомъ Академіи, для научной подготовки къ занятію вышеозначенной кафедры, прослушать въ теченіи 1903—1904 учебнаго года на историко-филологическомъ факультетѣ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета курсы общаго и сравнительнаго языковеденія, греко-славянской палеографіи, славяно-русской филологіи и литературы. — Главнымъ руководителемъ г. Туницкаго въ его научныхъ занятіяхъ при Университетѣ былъ любезно принявшій на себя этотъ трудъ г. ординарный профессоръ Университета и академикъ Императорской Академіи Наукъ А. И. Соболевскій.

2) Изъ дѣла о первоначальномъ (по учрежденіи) замѣще-

ни кафедры русскаго и церковно-славянскаго языковъ (съ палеографіей) и исторіи русской литературы въ Академіи видно, что для замѣщенія означенной кафедры Совѣтомъ Академіи избранъ былъ въ 1871 г. перешедшій на IV курсъ воспитанникъ Академіи Григорій Воскресенскій, при чемъ Совѣтъ возбудилъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ ходатайство о томъ, 1) чтобы воспитанникъ Воскресенскій былъ освобожденъ отъ дальнѣйшихъ занятій въ Академіи въ продолженіи IV года академическаго курса, дабы годъ этотъ могъ посвятить специальному изученію славянскихъ нарѣчій въ которомъ - либо изъ русскихъ университетовъ: Московскомъ, С.-Петербургскомъ или Одесскомъ, подъ частнымъ руководствомъ извѣстныхъ ученыхъ преподавателей сихъ нарѣчій въ означенныхъ университетахъ; 2) чтобы слѣдующіе затѣмъ два года онъ могъ посвятить заграничному путешествію для ознакомленія съ славянскими нарѣчіями изъ устъ самихъ народовъ, ими говорящихъ, съ ихъ литературою, учеными преподавателями и ихъ методами и 3) чтобы содержаніе воспитаннику Воскресенскому при занятіяхъ въ университетѣ назначено было въ 600 руб., а за границу—въ томъ размѣрѣ, въ какомъ пользуются отправляемые за границу молодые люди съ цѣлью приготовленія къ должности преподавателя въ русскихъ университетахъ.—Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ, на разсмотрѣніе котораго передано было означенное ходатайство, далъ такое заключеніе (журналъ Учебнаго Комитета отъ 29 сентября 1871 года за № 173): „Предположенія Совѣта Московской духовной академіи относительно замѣщенія въ ней кафедры русскаго языка и славянскихъ нарѣчій вообще сообразны съ существомъ дѣла. Съ своей стороны, по ближайшемъ обсужденіи сего предмета, Учебный Комитетъ полагалъ бы: 1) что годичный срокъ времени для теоретическаго изученія русскаго языка и славянскихъ нарѣчій и ознакомленія съ послѣдними въ такой степени, чтобы можно было потомъ съ успѣхомъ практически изучать ихъ въ самыхъ славянскихъ странахъ, едва ли достаточенъ для сей цѣли. Исключивши же изъ этого срока то, что пройдетъ въ формальностяхъ производства дѣла, получится можетъ быть четыре—пять мѣсяцевъ, которыхъ не достанетъ на изученіе самыхъ общихъ элементовъ русско-славянской филологіи. Между

тѣмъ собственно это изученіе должно составить основу знанія. Послѣдующія же практическія занятія во время путешествія не въ состояніи будутъ ни замѣнить, ни пополнить оставшихся пробѣловъ теоретическаго изученія. Основательно подготовленный теоретически въ короткое время пребыванія за границей получить и вынесетъ оттуда больше, нежели мало подготовленный въ большій срокъ времени. Въ виду этого можно бы предложить Совѣту академіи, не найдетъ ли онъ болѣе удобнымъ, изъ предположенныхъ для избраннаго лица трехъ лѣтъ приготовленія, отдѣлить два первыхъ года для изученія славянскихъ нарѣчій въ одномъ изъ русскихъ университетовъ и только послѣдній годъ назначить для путешествія за границу. 2) Выборъ одного изъ русскихъ университетовъ для изученія славянскихъ нарѣчій принадлежитъ Совѣту академіи, который вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ поручить избраннаго ближайшему вниманію специалистовъ преподавателей этого предмета. Равнымъ образомъ попеченію Совѣта принадлежитъ руководство избраннаго кандидата при отправленіи его за границу и наблюденіе за ходомъ его занятій во время пребыванія его за границу. Въ видахъ этого послѣдняго, посылаемый долженъ присылать, въ опредѣленные сроки, донесенія о ходѣ своихъ занятій“,—какое заключеніе и утверждено было указомъ Святейшаго Синода отъ 15 ноября 1871 года за № 2576.— На основаніи вышеозначенаго указа г. Воскресенскій командированъ былъ въ избранный Совѣтомъ Академіи С.-Петербургскій Университетъ, гдѣ въ теченіи 1871—1872 и 1872—1873 учебныхъ годовъ и слушалъ лекціи на историко-филологическомъ факультетѣ, подъ особымъ руководствомъ заслуженнаго ординарнаго профессора славянской филологіи И. И. Срезневскаго, а затѣмъ, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 5-й день октября 1873 года, командированъ былъ за границу, въ Славянскія земли, для практическаго изученія славянскихъ нарѣчій, срокомъ на полтора года, съ ассигнованіемъ ему на эту командировку по 1500 р. въ годъ изъ духовно-учебнаго капитала (указъ Святейшаго Синода отъ 5 ноября 1873 года за № 3346).

3) Заслуженный ординарный профессоръ Академіи (въ отставкѣ) Григорій *Воскресенскій*, состоявшій временнымъ преподавателемъ русскаго и церковно-славянскаго языковъ (съ

палеографіей) и исторіи русской литературы въ Академіи, изъявилъ согласіе продолжить чтеніе лекцій по симъ предметамъ и въ будущемъ 1904—1905 учебномъ году.

4) Въ теченіи минувшаго 1903—1904 учебнаго года кандидатъ *Туницкій* получалъ жалованье въ размѣрѣ 700 рублей въ годъ изъ суммы, ежегодно ассигнуемой на содержаніе оставляемыхъ при Академіи для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ кафедръ.—За состоявшимся 3 іюня 1904 года оставленіемъ при Академіи для той же цѣли на 1904—1905 учебный годъ двухъ воспитанниковъ—Анатолія *Орлова* и Михаила *Остроумова*, окончившихъ съ отличнымъ успѣхомъ академической курсъ,—выдача жалованья кандидату Туницкому съ 16 августа текущаго 1904 года должна быть прекращена.

5) Изъ указа Святѣйшаго Синода на имя покойнаго Высокопреосвященнаго Владиміра, Архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго, отъ 12 августа 1897 года за № 4272, видно, что въ исключительныхъ случаяхъ Святѣйшій Синодъ не отказывалъ и въ сверхсмѣтныхъ ассигновкахъ на содержаніе профессорскихъ стипендіатовъ академій.—Въ виду выдающейся талантливости студентовъ Казанской Духовной Академіи выпуска 1897 года, упомянутымъ указомъ Святѣйшаго Синода разрѣшено было Совѣту означенной Академіи оставить при оной для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ кафедръ (хотя и безъ опредѣленнаго указанія послѣднихъ) *шесть* воспитанниковъ, при чемъ трое изъ нихъ имѣли содержаться на средства, имѣвшіяся въ распоряженіи Академіи; на содержаніе же остальныхъ трехъ было отпушено въ распоряженіе академическаго Правленія 1500 рублей изъ духовно-учебнаго капитала.

Опредѣлили: 1) Признавая справедливость соображеній, изложенныхъ въ прошеніи профессорскаго стипендіата Николая Туницкаго и полагая необходимымъ, для болѣе полной научной подготовки къ занятію въ Академіи кафедры русскаго и церковно-славянскаго языковъ (съ палеографіей) и исторіи русской литературы, продлить пребываніе его въ С.-Петербургскомъ Университетѣ еще на одинъ годъ,—просить, на основаніи изложеннаго въ справкѣ, ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ ассигнованіи въ распоряженіе Правленія Академіи на содер-

жаніе Туницкаго съ 16 августа 1904 года по 15 августа 1905 года особой суммой изъ духовно-учебнаго капитала въ размѣрѣ 700 рублей.—2) О прочемъ имѣть сужденіе по выясненіи результатовъ означеннаго ходатайства.

IX. Донесеніе комиссіи (въ составѣ заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ Александра *Бялева* и Митрофана *Муретова* и исправляющаго должность доцента Дмитрія *Коновалова*), ревизовавшей кассу, приходо-расходныя книги и отчетъ редакціи академическаго журнала по изданію „Богословскаго Вѣстника“ и твореній Святыхъ Отцевъ за 1903-й годъ:

„Честь имѣемъ доложить Совѣту о результатахъ осмотра и провѣрки отчета, приходо-расходныхъ книгъ и денежныхъ суммъ редакціи за 1903-й годъ.

1) Отчетъ составленъ согласно съ итогами приходо-расходныхъ книгъ. Доходы по изданію въ совокупности Богословскаго Вѣстника и Твореній Святыхъ Отцевъ превысили расходы: но остатокъ отъ отчетнаго года меньше остатка къ 1 января 1903 года.

2) Приходо-расходныя книги редакціи оказались въ исправности.

3) Сумма фонда дѣла, какъ показываютъ росписки Государственнаго Банка, гдѣ она находится на храненіи“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

X. Донесеніе экстраординарнаго профессора Александра *Шостыина* и исправляющаго должность доцента Ильи *Громова*, производившихъ ревизію академической библіотеки:

„Постановленіемъ Совѣта Академіи отъ 4 сентября 1903 года на насъ было возложено порученіе—произвести ревизію академической библіотеки. О способѣ выполненія нами означеннаго порученія и результатахъ произведенной ревизіи имѣемъ честь донести Совѣту слѣдующее:

1. Обширность академической библіотеки (количество книгъ которой простирается въ настоящее время, по инвентарному каталогу, до 80000 названій въ 120000 томахъ), не допуская и мысли о возможности для насъ произвести провѣрку ея наличности въ полномъ составѣ, заставила насъ ограничиться лишь частичной провѣркой въ разныхъ отдѣлахъ, какъ это обычно дѣлалось и предшествующими ревизіонными комиссіями.

2) При такой частичной проверке мы имели возможность убедиться, что принадлежащая библиотек книжная богатства находятся в сохранности. По крайней мере, мы не встретили случая, когда бы затребованной книги не оказалось налицо или, в случае ее отсутствия, не было возможности навести немедленно справку о нахождении ее у кого-либо из членов академической корпорации и студентов по указанию остающейся на месте книги библиотечной карточки. Находящиеся во всех отделениях библиотеки книги и рукописи содержатся в порядке, не смотря на большие затруднения к тому, создаваемая недостаточностью шкафов, число которых было бы весьма желательно увеличить.

3. Выдача и обратный прием книг в библиотеке производится в установленное время и с точным соблюдением существующих на сей предмет правил. То и другое, а равно и сообщение всевозможных справок о книгах профессорам Академии и студентам производится без малейших задержек, что, при малочисленности высшего служебного персонала библиотеки, должно быть по всей справедливости отнесено в заслугу распорядительности г. библиотекаря и его помощника. Вновь поступающие в библиотеку книги своевременно регистрируются, вносятся в каталоги и немедленно становятся доступными для пользования.

4. Помимо исполнения прямых своих обязанностей по хранению, приему и выдаче книг г. библиотекарь и помощник его продолжали, как и в прошлом году, безвозмездно трудиться над усовершенствованием каталогизации книг и периодических изданий. Сверх того первому из них в отчетном году приходилось не мало поработать при разборке имущества, поступившего в библиотеку по смерти заслуженного профессора Д. Ф. Голубинского.

5. Настоятельную надобность для библиотеки, в интересах обеспечения правильного роста ее, как учебного и учебно-вспомогательного учреждения, составляет увеличение сумм, которые ежегодно отпускаются на ее содержание и на приобретение новых книг, о чем было бы желательно возбудить ходатайство предъ Высшим Начальством.

В заключение своего отчета не можем умолчать о том, что существующая до сих пор постановка, бесспорно,

весьма важнаго дѣла библиотечной ревизіи кажется намъ не вполне удовлетворительной и нуждающейся въ существенной перемѣнѣ. Последняя, какъ намъ думается, должна заключаться въ томъ, чтобы на ревизионную комиссію возлагалось впредь порученіе обревизовать не всю библиотечку (что безусловно невыполнимо въ назначенной для сего срокъ), а лишь одну опредѣленно указанную часть ея (извѣстное количество шкафовъ и полокъ). При этомъ комиссіи можно было-бы предоставить право требовать предъявленія гг. профессорами и студентами, хотя бы на короткій срокъ, находящихся у нихъ на рукахъ книгъ, относящихся къ ревизуемому отдѣлу. Такая постановка дѣла (насколько намъ извѣстно, уже и примѣняемая при ревизіи библиотекъ нѣкоторыхъ аналогичныхъ учреждений) имѣла бы то преимущество, что дала бы возможность не только детально провѣрить въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ всю наличность библиотеки, но и выяснитъ со всею точностью степень сохранности имѣющихся книгъ и, въ случаѣ необходимости, своевременно принять должныя мѣры къ пріобрѣтенію новыхъ экземпляровъ взаменъ сильно попорченныхъ“.

Опредѣлили: Поручить библиотечкарю Академіи Константины Попову составить подробную докладную записку какъ относительно предположеній, изложенныхъ въ настоящемъ донесеніи ревизионной комиссіи, такъ и относительно другихъ неотложныхъ нуждъ библиотеки и посвятить въ будущемъ учебномъ году обсужденію вопроса о положеніи библиотеки особое засѣданіе.

XI. Извѣщеніе:

„Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ имѣетъ честь сообщить, что осуществленіе Съѣзда славянскихъ филологовъ и историковъ въ предположенный ранѣе срокъ (съ $\frac{31 \text{ авг.}}{13 \text{ сент.}}$ по $\frac{19 \text{ сент.}}{23 \text{ сент.}}$ 1904 г.), въ виду войны, найдено неудобнымъ. О времени созыва Съѣзда въ будущемъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности извѣститъ въ свое время“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XII. Отношеніе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ отъ 21 апрѣля за № 403:

„Императорское Общество Исторіи и Древностей Россій-

скихъ приносить глубочайшую благодарность Московской Духовной Академіи за привѣтствіе по случаю столѣтней годовщины его основанія и просить принять для Библіотеки Академіи изданную по сему случаю подъ наблюденіемъ Дѣйствительнаго Члена С. А. Бѣлокурова, „Утвержденную Грамоту объ избраніи на Московское государство Михаила Ѳеодоровича Романова“.

Справка: Огношеніемъ отъ 4 мая за № 361 выражена Обществу отъ Совѣта Академіи благодарность за присланный экземпляръ „Утвержденной Грамоты“, каковой и переданъ въ фундаментальную академическую библіотеку.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XIII. Отношенія:

а) О. Настоятеля Ставропигіального Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря отъ 21 мая за № 133: „Имѣю честь препроводить, казенной посылкой, согласно указа Московской Святѣйшаго Синода Конторы отъ 18 мая 1904 года, служебникъ, писанный въ 1588 г. Михаиломъ Гнѣвашевымъ для митрополита Іоны, и Архіерейскій служебникъ XVI в., на срокъ до 2 мѣсяцевъ, для занятій г. профессора Голубцова. О полученіи покорнѣйше прошу меня увѣдомить“.

б) Г. Предсѣдателя Совѣта Тверскаго Музея отъ 3 апрѣля за № 1904:

Совѣтъ Тверскаго Музея имѣетъ честь препроводить при семъ срокомъ на три мѣсяца—для научныхъ занятій—рукописи Тверскаго Музея: 1) № 26 (3075),—2) № 27 (3092) и 3) № 150 (3237).

в) Управленія Императорской Публичной Библіотеки отъ 13 мая за № 1214:

„Вслѣдствіе отношенія отъ 4 мая сего года за № 362 Управление Императорской Публичной Библіотеки имѣетъ честь препроводить при семъ въ Совѣтъ Духовной Академіи, срокомъ на два мѣсяца, для научныхъ занятій и. д. доцента Академіи Е. А. Воронцова, слѣдующія двѣ книги: 1) *Memoires de l'Academie royale de Belgique*, vol. 53 и 2) *Bachrach. Das Alten der biblischen Vocalisation und Accentuacion*, 2 Theile, Warchau.

Что же касается до книги: *Proceedings of the society of biblical archeology*, Vol 23, то таковой въ Библіотекѣ не имѣется“.

Справка: Всѣ означенныя рукописи и книги получены и переданы лицамъ, для пользованія которыхъ онѣ выписаны.

г) Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 19 мая за № 690:

„Императорское Московское Археологическое Общество, возвращая одновременно съ симъ, казенной посылкой, за № 690, рукопись XV в. за № 2 (102) присланную при отношеніи отъ 24 апрѣля за № 355, считаетъ своимъ долгомъ выразить Московской Духовной Академіи свою глубокую благодарность за любезное исполненіе просьбы Общества“.

Справка: Означенная въ отношеніи рукопись получена и сдана въ фундаментальную бібліотеку.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XIV. Отношеніе Управленія Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея въ Москвѣ Имени Императора Александра III отъ 28 апрѣля за № 399:

„Управленіе Музея имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи не отказать въ присылкѣ въ Музей, срокомъ на 3 мѣсяца, принадлежащаго Библіотекѣ Академіи и значащагося подъ № 6 (182), экземпляра лицевой Библии Пискатора, для научныхъ занятій помощника Библіотекаря Музея, И. М. Тарабрина“.

Опредѣлили: Выслать въ Управленіе Музея означенное въ отношеніи изданіе на испрашиваемый срокъ.

XV. Письмо (на имя бывшаго Преосвященнаго Ректора Академіи Епископа Арсенія) настоятеля Корейской духовной миссіи *архимандрита Хрисанова* отъ 10 декабря 1903 года: „Только что получилъ книги, присланныя Вами и профессорской корпораціей Московской Духовной Академіи въ даръ Корейской—въ Сеулѣ—Духовной Миссіи. Считаю своимъ обязательнымъ долгомъ отъ себя и отъ лица членовъ Миссіи привести искреннѣйшую и сердечнѣйшую благодарность Вамъ, Ваше Преосвященство, Отцу Инспектору и всѣмъ Профессорамъ, столь просвѣщенно отозвавшимся на наши духовныя нужды. Призванные служить въ далекой и некультурной странѣ, намъ часто приходится испытывать нестерпимѣйшій духовный голодъ, а потому можете сами судить о той радости, которую испытываемъ мы сейчасъ, держа въ рукахъ драгоценный для насъ Вашъ подарокъ и о тѣхъ

молитвенныхъ благодарностяхъ, которыя невольно вырываются изъ устъ cadaго изъ насъ: дай, Господи, много, много лѣтъ здравствовать Преосвященному Владыкѣ, Отцу Инспектору и всѣмъ труженникамъ и созидателямъ науки—Профессорамъ Московской Духовной Академіи!

Почтительнѣйше прошу принять отъ меня самыя наилучшія молитвенныя пожеланія всего, всего наилучшаго, а наипаче процвѣтанія Духовной Академіи подъ Вашимъ руководствомъ на пользу Св. Церкви и Богословской Науки“.

Опредѣлили: Письмо О. Архимандрита Хрисанеа сообщить всѣмъ членамъ академической корпораціи, пожертвовавшимъ свои печатные труды въ даръ библиотекъ Корейской духовной миссіи.

XVI. Отзывъ заслуженнаго ординарнаго профессора Василія Соколова о кандидатскомъ сочиненіи дѣйствительнаго студента Академіи *Сергѣя Попова* на тему: „Папа Гоноріи I и догматъ о папской непогрѣшимости“:

„Небольшое сочиненіе г. Попова (181 стран.) состоитъ изъ краткихъ вступительныхъ замѣчаній (стр. 1—11), двухъ частей изслѣдованія (стр. 11—101 и 101—171) и заключенія (171—181).

Во вступленіи авторъ, послѣ нѣсколькихъ краткихъ замѣчаній о происхожденіи и установленіи римско-католическаго догмата о папской непогрѣшимости, указываетъ на рѣзкое противорѣчіе этому догмату тѣхъ историческихъ фактовъ, которые свидѣтельствуютъ о заблужденіяхъ нѣкоторыхъ папъ и ихъ уклоненіи въ ересь, при чемъ наиболѣе важнымъ въ этомъ отношеніи является извѣстный фактъ осужденія папы Гонорія I шестымъ Вселенскимъ соборомъ, какъ уклонившагося въ монофелитскую ересь. Задачею своего сочиненія авторъ и поставляетъ изслѣдованіе этого факта, главнымъ образомъ на основаніи актовъ шестого Вселенскаго собора, и его примѣненіе къ вопросу о папской непогрѣшимости.

Первая часть сочиненія посвящена изслѣдованію тѣхъ событій и документовъ, на основаніи которыхъ возникло обвиненіе Гонорія. Охарактеризовавъ здѣсь и подробно изложивъ сущность еретическаго ученія Константинопольскаго патріарха Сергѣя, преимущественно по его письму къ Гонорію, авторъ представляетъ затѣмъ обстоятельный анализъ

отвѣтныхъ писемъ папы Гонорія къ патриарху Сергію, доказывая при этомъ несомнѣнную еретичность его воззрѣній и попутно разбирая разныя свидѣтельства и соображенія, приводимыя въ оправданіе уклонившагося въ ересь папы его защитниками.

Вторая часть имѣетъ своимъ предметомъ изслѣдованіе актовъ шестого Вселенскаго собора и состоявшагося на немъ осужденія Гонорія, какъ еретика, при чемъ авторъ приводитъ и разбираетъ разныя гипотезы защитниковъ Гонорія, поставляющія своею задачей измѣнить смыслъ и умалить значеніе произнесеннаго соборомъ осужденія. Эта часть сочиненія оканчивается изложеніемъ и разборомъ нѣкоторыхъ послѣдующихъ историческихъ свидѣтельствъ, подтверждающихъ фактъ соборнаго осужденія.

Заключительная часть сочиненія выясняетъ значеніе разсмотрѣннаго историческаго факта въ его приложеніи къ теоріи папской непогрѣшимости.

Главнымъ источникомъ для сочиненія г. Попова служили акты шестого Вселенскаго собора, которыми авторъ пользовался по русскому ихъ переводу („Дѣянія Вселенскихъ соборовъ“), обращаясь въ нѣкоторыхъ потребныхъ случаяхъ къ провѣркѣ по тексту подлинника. Въ качествѣ руководящихъ пособій онъ имѣлъ подъ руками нѣсколько специальныхъ брошюръ, на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, какъ напр. Ruckgaber'a, Hefele, Ketteler'a, Gantier, а также статьи профессора Ястребова и Н. Бѣляева.

Почти все свое вниманіе авторъ сосредоточилъ на томъ, что составляетъ главную часть его работы, т.-е. на изслѣдованіи факта заблужденія и осужденія Гонорія, а потому эта часть и представляется довольно полною и обстоятельною. Что же касается приложенія и оцѣнки этого факта съ точки зрѣнія теоріи папской непогрѣшимости, то на эту сторону работы авторъ (во введеніи и заключеніи) обратилъ гораздо менѣе вниманія, чѣмъ бы слѣдовало, а потому эта часть его работы представляется довольно слабою, особенно во введеніи.

Въ частностяхъ работы можно встрѣтить нѣсколько фактическихъ ошибокъ (напр. стр. 3, 5, 47, 179).

Цитация автора не всегда исправна (напр. стр. 2, 5. 50. 149, 168).

Для присужденія степени кандидата богословія нахожу сочиненіе г. Попова достаточнымъ“.

Справка: 1) Г. Сергѣй Поповъ окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ 1890 году съ званіемъ дѣйствительнаго студента Академіи и правомъ на полученіе степени кандидата богословія по представленіи удовлетворительнаго кандидатскаго сочиненія. 2) По § 81 лит. б. п. 10 устава духовныхъ академій „присужденіе степени кандидата“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ утвержденіи дѣйствительнаго студента Академіи Сергѣя Попова въ степени кандидата богословія.

XVII. Прошенія:

а) Священника Александро-Невской, при Московскомъ Усачевско-Чернявскомъ женскомъ училищѣ, церкви, кандидата-магистранта Академіи выпуска 1902 года, *Феодосія Островскаго*: „Честъ имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи выдать мнѣ кандидатское сочиненіе—„Инокентій, Архіепископъ Херсонскій, какъ проповѣдникъ“—на трехъ-мѣсячный срокъ и разрѣшить переработку его на соисканіе степени магистра богословія подъ тѣмъ же заглавіемъ“.

б) Учителя Волоколамскаго духовнаго училища, кандидата Академіи выпуска 1902 года, *Андрея Покровскаго*: „Прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ переработать мое кандидатское сочиненіе подъ заглавіемъ: „Педагогическія воззрѣнія Филарета, Митрополита Московскаго“, въ магистерскую диссертацию безъ измѣненія заглавія“.

в) Учителя Калужскаго духовнаго училища, кандидата-магистранта Академіи выпуска 1903 года *Алексѣя Спасскаго*: „Прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ переработать мое кандидатское сочиненіе подъ заглавіемъ: „Анабаптисты. (Къ вопросу о значеніи религіозной реформациі XVI вѣка въ общемъ ходѣ исторіи Западной Европы)“ для соисканія степени магистра богословія, при чемъ ему слѣдуетъ дать болѣе общее заглавіе—„Анабаптисты“. При этомъ, прошу выдать мнѣ сочиненіе на руки на время, какое Совѣтъ найдетъ возможнымъ“.

г) Кандидата Академіи выпуска 1899 года Николая *Пшеничникова*: „Покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи выдать находящееся въ архивѣ Академіи кандидатское сочиненіе, поданное мною въ 1899-мъ году. Сочиненіе написано было на тему, данную ординарнымъ профессоромъ Митрофаномъ Димитріевичемъ Муретовымъ, „Путешествіе Апостола Павла въ Римъ“, историко-географическій экзегезъ двухъ послѣднихъ главъ книги Дѣяній Апостольскихъ. Сочиненіе необходимо мнѣ для его переработки. Явиться лично для переписки сочиненія не могу, вслѣдствіе многочисленныхъ служебныхъ обязанностей, связывающихъ меня къ Москвѣ“.

Справка: 1) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 5 іюня 1895 года за № 2565 Совѣтамъ Академіи предписано: „дозволять удостоеннымъ степени кандидата передѣлывать ихъ кандидатскія сочиненія въ магистерскія диссертации съ большою осторожностью и не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія Епархіальнаго Архіерея.“—2) Кандидатскія сочиненія священника Островскаго и кандидатовъ Покровскаго и Спасскаго писаны были на означенныя въ ихъ прошеніяхъ темы и отмѣчены баллами: священника Островскаго 5—, кандидата Покровскаго—4¹/₂ и кандидата Спасскаго—5. 3) Заслуженный ординарный профессоръ Академіи по кафедрѣ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій Василій Соколовъ, разсматривавшій кандидатское сочиненіе г. Спасскаго, высказался *противъ* предлагаемаго послѣднимъ измѣненія заглавія сочиненія, въ виду требованій, изложенныхъ въ „Правилахъ для разсмотрѣнія сочиненій, представляемыхъ на соисканіе ученыхъ богословскихъ степеней“, предложенныхъ къ руководству указомъ Святѣйшаго Синода отъ 23 февраля 1889 года за № 634. 4) 30 апрѣля 1897 года Совѣтомъ Академіи, съ утвержденія Его Высокопреосвященства, постановлено было: „На будущее время выдачу и высылку кандидатскихъ сочиненій ихъ авторамъ прекратить, предоставивъ послѣднимъ для святія копій съ сочиненій являться въ Академію лично“.

Опредѣлили: 1) Дозволить священнику Александро-Невской, при Московскомъ Усачевско-Червявскомъ женскомъ училищѣ, церкви Феодосію Островскому, учителю Волоколамскаго духовнаго училища Андрею Покровскому и учи-

телю Калужскаго духовнаго училища Алексѣю Спасскому переработать ихъ кандидатскія сочиненія въ магистерскія диссертациі; всѣмъ тремъ—безъ измѣненія темъ сочиненій.

2) Постановленіе сіе представить предварительно на Архiepастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.—

3) Просьбы священника Θεодосія Островскаго, кандидатовъ Алексѣя Спасскаго и Николая Пшеничника о выдачѣ и высылкѣ имъ кандидатскихъ сочиненій отклонить.

XVIII. а) Прошеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи студента I курса Казанской Духовной Академіи Михаила *Ершова*:

„Я, нижеподписавшійся, окончивши курсъ съ званіемъ студента въ Тобольской Духовной Семинаріи, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ минувшаго 1903 года, по предварительномъ испытаніи, былъ принятъ въ число студентовъ I-го курса Казанской Духовной Академіи. Но проболѣвъ почти все первое полугодіе, я въ Февралѣ мѣсяцѣ настоящаго 1904 года принужденъ былъ оставить Академію и уѣхать на родину, въ г. Тобольскъ, для поправленія своего здоровья, гдѣ и проживаю до настоящаго времени. Докторъ, освидѣтельствовавшій меня, констатировалъ тотъ фактъ, что причиною моей болѣзни являются тѣ особенныя условія, въ которыхъ мнѣ пришлось жить въ Казанской Духовной Академіи, т. е. особенная сухость воздуха въ зданіи Академіи, отопляемомъ центрально. При этомъ докторъ заявилъ, что я не могу жить въ этомъ зданіи, не подвергая своего здоровья серьезной опасности, что имъ и подтверждено въ прилагаемомъ здѣсь мною медицинскомъ свидѣтельствѣ, вслѣдствіе чего мнѣ необходимо перевестись въ другую академію. Поэтому, желая продолжить свое образованіе въ Духовной Академіи, прошу Васъ, Ваше Преосвященство, принять меня въ число студентовъ I курса вѣрвенной Вамъ Московской Духовной Академіи въ предстоящій 19¹¹/₀₅ академическій годъ. Всѣ мои документы находятся въ Правленіи Казанской Духовной Академіи“.

б) Отношеніе на его же имя Преосвященнаго Ректора Казанской Духовной Академіи отъ 1 іюня за № 810:

„На отношеніе Вашего Преосвященства отъ 10 мая сего 1904 года за № 430, имѣю честь сообщить, что студентъ I курса вѣрвенной мнѣ Академіи Михаилъ Ершовъ, за время

пробыванія въ Казанской Академіи заявилъ себя съ весьма похвальной стороны какъ въ отношеніи къ учебнымъ занятіямъ, такъ и въ отношеніи къ поведенію: юноша съ хорошими умственными способностями, усердный и трудолюбивый, вполне благонадежный, скромный, почтительный и благожелательный; но, по состоянію своего здоровья, оказался слабымъ, а потому въ февралѣ мѣсяцѣ былъ уволенъ для поправленія своего здоровья на родину, откуда уже не возвращался, приславъ отъ мѣстнаго врача удостовѣреніе о своей болѣзни, препятствующей ему явиться въ Академію для продолженія образованія“.

Справка: По § 81 лит. б. п. 1 устава духовныхъ академій „зачисленіе въ студенты академій“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академій, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи принять студента I курса Казанской Духовной Академіи Михаила Ершова въ число студентовъ того же курса Московской Духовной Академіи.

XIX. Прошеніе вольнослушателя академическихъ лекцій Михаила *Павлови*:

„Вслѣдствіе прошенія моего отъ 12 августа 1900 года, опредѣленіемъ совѣта академій, состоявшагося 2-го сентября 1900 года и резолюціи Его Высокопреосвященства на журналѣ совѣта отъ 19 сентября того же года, я былъ принятъ и допущенъ къ слушанію академическихъ лекцій на полный четырехъ-годичный курсъ по историческому отдѣлу. Во все время нахожденія моего въ родной для меня теперь академіи, я неопустительно посѣщалъ лекціи и съ любовью изучалъ и изучилъ преподаваемые науки и съ разрѣшенія Преосвященнаго Ректора, будучи достаточно подготовленнымъ, я наравнѣ съ студентами своего курса исполнялъ всѣ письменныя научныя работы, написавъ на первыхъ трехъ курсахъ всѣ девять семестровыхъ сочиненій и всѣ требуемая проповѣди, каковыя своевременно представлялъ о. Инспектору Академіи.

На основаніи изложеннаго имѣю честь покорнѣйше просить Его Преосвященство и совѣтъ академій о выдачѣ мнѣ письменнаго удостовѣренія о слушаніи мною академическихъ лекцій и произведенныхъ мною письменныхъ научныхъ ра-

боть и о моемъ поведеніи за время моего обученія въ академіи“.

Справка: 1) Рязанскій мѣщанинъ (домовладѣлецъ Сергіевскаго посада) Михаилъ Павловъ дѣйствительно, по утвержденному Его Высокопреосвященствомъ опредѣленію Совѣта Академіи отъ 2 сентября 1900 года, допущенъ былъ на четыре года къ слушанію академическихъ лекцій по всѣмъ общеобязательнымъ и специальнымъ (второй, исторической группы) предметамъ академическаго курса, за исключеніемъ еврейскаго, древнихъ и новыхъ языковъ. — 2) По заявленію академической инспекціи вольнослушатель Павловъ въ теченіи четырехъ лѣтъ весьма исправно посѣщалъ академическія лекціи, съ разрѣшенія Преосвященныхъ Ректоровъ Академіи исполняли также, наравнѣ съ окончившими нынѣ курсъ воспитанниками Академіи, всѣ назначаемыя студентамъ письменныя работы и во время пребыванія въ академическихъ зданіяхъ подчинялся всѣмъ требованіямъ, изложеннымъ въ „Правилахъ для учащихся въ Московской Духовной Академіи“.

Опредѣлили: Выдать вольнослушателю Михаилу Павлову просимое удостовѣреніе съ прописаніемъ изложеннаго въ справкѣ.

XX. Разсуждали о производствѣ повтрочныхъ испытаній студентовъ духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, имѣющихъ прибыть въ августъ мѣсяцъ текущаго 1904 года для поступленія въ составъ новаго (LXIII) академическаго курса по назначенію начальства и по собственному желанію.

Справка: 1) Указъ Святѣйшаго Синода отъ 24 марта 1904 года за № 3064: „Въ виду заявленій академическихъ испытательныхъ комиссій, что установленныя въ настоящее время пріемныя испытанія одновременно по нѣсколькимъ главнымъ предметамъ, преподающимся въ теченіе всего шестилѣтняго семинарскаго курса или большей части онаго, затрудняютъ поступленіе воспитанниковъ духовныхъ семинарій въ академіи, чѣмъ объясняется уменьшеніе, за послѣдніе два года, количества какъ явившихся къ испытаніямъ, такъ и удовлетворительно сдавшихъ оныя семинарскихъ воспитанниковъ, и принимая во вниманіе, что большой процентъ не выдержавшихъ удовлетворительно испытаній объясняется и другими причинами, какъ то: а) превышающая

требованія семинарскихъ учебныхъ программъ строгость на испытаніяхъ въ академіяхъ относительно познаній семинарскихъ воспитанниковъ,—б) сложность предлагаемыхъ на письменныхъ испытаніяхъ темъ и в) производство экзаменовъ въ слишкомъ краткіе сроки, когда испытанія большого количества воспитанниковъ назначаются на одинъ день и потому затягиваются съ ранняго часа до поздняго ночного времени, вслѣдствіе чего и экзаменаторы и экзаменующіеся, отъ переутомленія, не имѣютъ возможности спокойно и внимательно относиться къ предмету экзамена, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) приемныя въ духовныя академіи испытанія впредь производить—устныя: *по Священному Писанію Ветхаго и Новаго Завета*, какъ двумъ отдѣльнымъ предметамъ, *догматическому богословію, всеобщей церковной исторіи* (до раздѣленія церквей) *и по одному изъ древнихъ языковъ* по выбору экзаменующихся, и два письменныя: одно *по богословскимъ* и другое *по философскимъ* предметамъ, съ написаніемъ одного *поученія*, и 2) разъяснить Совѣтамъ духовныхъ академій, что а) приемныя испытанія воспитанниковъ, прибывающихъ изъ духовныхъ семинарій для поступленія въ академіи, должны быть производимы въ предѣлахъ программъ семинарскаго курса указанныхъ предметовъ, безъ утомительной для экзаменаторовъ и для испытуемыхъ поспѣшности и съ должнымъ вниманіемъ, такъ какъ отъ внимательнаго испытанія кандидатовъ зависитъ сужденіе о способностяхъ и подготовкѣ каждаго и для академій весьма важно имѣть благонадежный по подготовкѣ къ прохожденію академическихъ наукъ и послѣдующей дѣятельности подборъ студентовъ и б) что темы для письменныхъ испытаній должны быть предлагаемы по предварительномъ разсмотрѣніи и одобреніи ихъ ректорами академій, при чемъ академическіе преподаватели должны избирать темы съ особою тщательностью, соотвѣтственно развитію семинарскихъ воспитанниковъ, и излагать ихъ въ выраженіяхъ простыхъ, ясныхъ и точныхъ; вмѣстѣ съ симъ установить правиломъ для всѣхъ академій, чтобы экзаменаціонныя письменныя работы воспитанниковъ разсматривались двумя академическими преподавателями, независимо одинъ отъ другого, и изъ поставленныхъ ими отмѣтокъ выводился одинъ средній баллъ“.

2) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 8 марта 1873 года за № 10

Совѣтамъ Академіи вмѣнено въ обязанность, чтобы они при приемѣ воспитанниковъ семинарій въ Академіи обращали самое строгое вниманіе на состояніе ихъ здоровья и подвергали всѣхъ, явившихся къ испытанію, надлежащему медицинскому освидѣтельствуванію. 3) По § 81 лит. б. п. 2 устава духовныхъ академіи „назначеніе времени и порядка производства испытаній въ Академіи“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: 1) Поручить академическому врачу Сергѣю *Успенскому* подвергнуть, въ присутствіи О. Инспектора Академіи *Архимандрита Іосифа* и члена Правленія Академіи—заслуженнаго ординарнаго профессора Петра *Цетткова*,—16 и 17 августа 1904 года надлежащему медицинскому освидѣтельствуванію всѣхъ прибывшихъ для поступленія: въ составъ новаго академическаго курса.—2) 18, 19 и 20 августа назначить письменныя испытанія по психологикѣ (18), нравственному богословію (19) и составленію поученія (20).—Тему для перваго сочиненія поручить дать исправляющему должность доцента Академіи Павлу *Соколову*, для втораго—экстраординарному профессору Михаилу *Тартьеву* и для поученія—Преосвященному Ректору Академіи *Епископу Евдокиму*.—Чтеніе и оцѣнку сочиненій поручить, кромѣ преподавателей, дающихъ темы, слѣдующимъ лицамъ: перваго—экстраординарному профессору Алексѣю *Введенскому*, втораго—экстраординарному профессору Ивану *Шопову* и поученія—заслуженному ординарному профессору Митрофану *Муретову*.—Всѣ темы должны быть предварительно представлены Преосвященному Ректору Академіи.—3) 23, 24 и 25 августа произвести устныя испытанія по Священному Писанію Ветхаго Завѣта посредствомъ комиссіи изъ заслуженнаго ординарнаго профессора Николая *Каптерева*, экстраординарнаго профессора Василія *Мышцына* и исправляющаго должность доцента Евгенія *Ворожцова*.—4) 26, 27 и 28 августа произвести испытанія по Священному Писанію Новаго Завѣта посредствомъ комиссіи изъ *Преосвященнаго Ректора Академіи*, заслуженнаго ординарнаго профессора Митрофана *Муретова* и экстраординарнаго профессора Ивана *Шопова*. 5) 31 августа, 1 и 2 сентября произвести устныя испытанія по догматическому богословію посредствомъ комиссіи изъ